

Дмитрий Епишин

ДРОВОСЕК

сага «Ось земли»

· Книга 2 ·

18+

Дмитрий Васильевич Епишин Дровосек. Сага «Ось земли». Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69646228

SelfPub; 2023

Аннотация

Словно и не прерывалась связь времен. Как когда-то верные служители Киево-Печерской лавры защитили обитель и мирян от остервенелых попыток польской унии и Римской католической церкви насадить на Руси «новую веру», так ЦРУ и западные спецслужбы «работали» все 80-е годы прошлого столетия, чтобы внедриться и разрушить Советский Союз в начале 90-х. В центре событий разведчик СВР России Данила Булай и историк Аристах Комлев примут смертельный бой против западных спецслужб.

Содержание

Часть первая	5
Увертюра к открытию занавеса	5
Глава 1. 1958 год.	7
Глава 2. 1957 год.	16
Глава 3. 1958 год.	25
Глава 4. 1960 год.	42
Глава 5. 1960 год.	51
Глава 6. 1965 год.	65
Глава 7. 1968 год.	75
Глава 8.	82
Глава 9. 1972 год.	89
Глава 10. 1972 год.	101
Глава 11. 1973 год.	116
Глава 12. 1978 год.	126
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Дмитрий Епишин

Дровосек. Сага «Ось земли». Книга 2

*Способность любить есть богоподобие
человека. Неспособность любить есть ее
противоположность.*

Бойтесь... неспособных любить.

Часть первая

Увертюра к открытию занавеса

Вам не приходилось сталкиваться с ситуацией, когда в совершенно неподходящих местах и совсем неожиданно Вам вдруг почудится музыка? То в гулком шуме зала ожидания будто взовьются к высоким сводам отзвуки известной оперы, то стук вагонных колес выдаст дробь знакомого марша, то какой-то оратор так увлечется собой, что и непонятно, говорит он или поет. Вот и в этой книге спряталась тайная музыка, которая поселилась здесь совсем не по прихоти автора. Просто, когда роман выходил из-под пера, автору послышалось, будто иногда меж строк проскальзывают мелодии, и он решил их не прятать, а просто облек в слова. Вы обязательно услышите их, когда приступите к чтению. Поэтому и названа первая часть этой сугубо прозаической работы «Увертюра к открытию занавеса». Это очень длинная увертюра, она занимает четверть всей книги. Читая ее, Вы услышите отзвуки разной музыки: и перезвон древней бандуры на берегу Днепра, и визгливую флейту наступающих вражьих полков, и глумливое треньканье разбитого салунного пианино. Длинную увертюру трудно слушать, но без нее никак нельзя обойтись, настолько важно ознакомление с очень обширной

темой повествования. Как только Вы прочитаете первые две главы романа, Вы поймете, почему это так.

Глава 1. 1958 год.

Кандидат на вербовку

Жаркий летний день. Помещение резидентуры ЦРУ в Нью-Йорке. Из приемника льется хриплое подвывание саксофона. Оно полно истомы и ленивой сытости.

– Что за странное лицо у этого русского! – задумчиво промолвил Зден Полански, разглядывая въездную анкету Олега Голубина. – В нем есть какая-то отталкивающая сила. А ведь вроде бы правильные черты, мощный череп. Разве что улыбка необъяснимо гнусная. И как только их кадры подбирают подобных типов на оперативную работу? Он же обречен на нулевой успех. Ни один порядочный человек не захочет с ним водиться.

Его коллега по русскому отделу ЦРУ Стенли Коэн коротко усмехнулся.

– Ты уже решил, что Голубин – разведчик. А это еще доказать надо, Зден. Почему из всех пятнадцати аспирантов ты заподозрил именно этого типа?

– Я ничего пока не утверждаю, так, больше интуиция. Хотя его анкета кажется мне не совсем убедительной. Уж больно он молод и зелен, чтобы быть включенным в такую престижную группу. Представляю, как в нее рвались сильнейшие из сильнейших. Вот, посмотри, кто к нам приехал: участники войны, бывшие партийные боссы, авторы прозвуч-

чавших публикаций и так далее. А у этого за душой – ничего. Может быть, конечно, он племянник какого-нибудь министра – тогда другое дело. Однако это еще предстоит выяснить, но я хочу заниматься в первую очередь им. Что-то в нем есть особенное.

– Пока неизвестно, придется ли нам работать по этой группе, – высказал сомнение Коэн. Ребята из ФБР обложили ее так, что через их агентуру не продрались. Шутка сказать, первый заезд красных студентов и аспирантов в американский университет! Это тебе не русское посольство, где каждый чих известен чекистам. Здесь можно развернуться. Только шефы еще не решили, как мы будем делить этот подарок судьбы.

– Лучше всего, конечно, распределить роли. Тогда не будет путаницы и накладок. В конце концов, у нас разные задачи. Если же быки из ФБР не дадут нам поработать по приехавшим парням, то мы упустим реальный шанс. Это настоящий вербовочный контингент. Через несколько лет они будут иметь высокое положение в советской иерархии. Не то что окурки, с которыми сейчас возится наша московская резидентура. Все они – либо продажные негодяи без разведвозможностей, либо подставлены контрразведкой, либо и то и другое вместе.

– Здесь ты прав. Мы чего-то не понимаем в ситуации. Иногда мне кажется, что почти весь наш источниковый аппарат в этой стране, за исключением одного агента, работает

под контролем русских.

– У меня есть на этот счет особое мнение, Стен. Правда, шефы не хотят его слушать. По крайней мере, пока. Но после трех лет работы в Москве я в своем мнении утвердился и от него не отступлю. Понимаешь, советская элита сейчас очищена от инакомыслящих. Все явные и тайные враги Кремля либо репрессированы, либо задвинуты на задворки общества. А нам нужна агентура с секретами, значит – как раз из элитной среды. Но этот слой в высшей степени индоктринирован. Мало того, что им сорок лет промывали мозги красной пропагандой, к этому добавилась еще и война, которая подхлестнула чувство патриотизма. Поэтому завербовать нормального советского офицера или инженера, а тем более парработника, невозможно. Нарвешься на провал. Но, заметь, это я говорю о нормальных. Ведь в каждом обществе есть и не нормальные. Тем более в таком обществе, как советское. Всего сорок лет назад оно было абсолютно другим, и случившийся перелом произвел на свет множество искривлений и уродств. Самое большое советское уродство – это мимикрия многих активных людей под систему. Те, кто хотят получить от жизни как можно больше, вынуждены скрывать свои агрессивные инстинкты и рядиться в рясу партийных и советских работников. Понимаешь, что происходит? Такой человек живет двойной жизнью, и у него постепенно формируются психические аномалии, потому что подобная жизнь противостоит природе. Зачастую эти люди –

скрытые моральные уроды. Только их непросто распознать. Между прочим, нет ничего противнее, чем возиться с таким субъектом. Но что поделать, другого в этой стране не дано, потому что только такого русского и можно завербовать. Я уверен, что единственный способ завести настоящую агентуру в СССР – это сделать упор на вербовку тайных мерзавцев. Вот почему мне приглянулась улыбочка Голубина.

– Если судить по твоим словам, Зден, то у порядочного русского не может возникнуть симпатии к нашей стране – так, что ли?

– Поверь, дружище, симпатии – это еще не основание для вербовки. Да, по правде говоря, нам в России сейчас мало кто симпатизирует. Поэтому, когда ты окажешься в Москве, вспомни мои слова: надо искать уродов.

– И как же их отличать?

– Наука проще некуда. Ты должен понять, что этот человек очень любит себя и ненавидит свою страну. Это и есть высшая форма морального уродства.

* * *

ЦРУ сумело отвоевать для себя Голубина и Бабакина. Все остальные были закреплены за ФБР.

Вскоре Зден Полански уже инструктировал старшего бригады наружного наблюдения:

– Только об одном прошу тебя, Клайв, не давайте русско-

му никаких оснований подозревать, что он под наблюдением. Если засечет слежку, то испугается, ляжет на дно, затаится. Будет сидеть у себя в номере и мастурбировать на открытку с Мерилин Монро, поэтому снимайтесь немедленно после первых признаков его беспокойства и езжайте отдыхать до следующего раза. Надо, чтобы русский чувствовал себя как рыба в воде. Я просто уверен, что тогда этот поросянок обязательно заберется в какое-нибудь дерьмо.

Эту бригаду временно прикомандировали к вашингтонской группе для разработки советских аспирантов.

Она имела мало опыта работы в сугубо пешем варианте, поэтому первая пара дней ушла на притирку к объекту, и было довольно много срывов. Тем не менее, через неделю Зден читал первые сводки наружного наблюдения за Голубиным. Русский проверялся грубо: судя по всему, наружку выявлял, и нельзя сказать, чтобы от этого заметно нервничал. Напротив, иногда допускал просто оскорбительные выходки. Например, заводил наблюдавших вслед за собой в какой-нибудь тупик, и все вместе делали вид, что им приспичило пописать на стенку. Если бы не строгий инструктаж, наружка давно отомстила бы за это хамство. Как минимум, ему намяла бы бока пара «бездомных бродяг».

В остальном же, как и предсказывал Полански, никаких отклонений от норм поведения Голубин не допускал. Агентура в общежитии, где он жил, сообщала, что русский, как заводной, ложится и встает по расписанию, спиртным не зло-

употребляет, попыток интимного сближения с американками не предпринимает.

– Золотой советский мальчик, – ворчал Полански с раздражением. – Не может быть, чтобы у него не было недостатков. Ищите, выявляйте пороки, – наставлял он своих помощников. – Замечайте каждую мелочь. Особое внимание – на женский вопрос. Ему всего двадцать шесть лет. Возраст гиперсексуальности. Подберите девчонку посимпатичнее. Таковую, чтоб от одного вида штаны трещали. Подсуньте ее Голубину.

Федералы расстарались, и на очередную встречу вместе с Клайвом в гостиницу пришла Гарсия – смазливая аргентинка с такими ногами, что у Здена на минуту перехватило дыхание.

Девушка образованностью не отличалась, и внедрить ее в научное окружение Голубина было невозможно. Ранее она промышляла услугами по вызову, пока на ней не сгорел известный сенатор. С тех пор ФБР поставило ее на свое содержание, и правильно сделало. Это была прирожденная оперативница.

– Есть тут у нас один пугливый русский, – начал Зден, – надо бы с ним законтачить. Только от прямого наезда он шарахнется. Лучше бы изобразить случайное знакомство, трепетную дружбу, петтинг на скамеечке и прочую чушь. Потом решим по обстановке. Когда сможете начать?

– Этот мордovorот – пугливый? – удивилась Гарсия, рас-

смаатривая фотографию Голубина. – Никогда бы не подумала. Но задание интригующее. Принимаю его как вызов. Думаю, что он не столько пуглив, сколько осмотрителен. Его только в постель затащи – потом ничем не остановишь, – задумчиво промолвила она, перекидывая ноги под носом у Здена и лишая его способности трезво соображать. – Надеюсь, у вас есть его маршруты, места посещения и прочая чепуха?

– Естественно, красавица. Только давай каждый шаг обсуждать вместе. Парень очень нужный, и мне не хочется его терять прежде времени. Договорились?

Через две недели Гарсия с понурой головой доложила Полански об отсутствии прогресса в ее деле. Она старалась изо всех сил, чтобы Голубин, наконец, стал замечать в продуктовом магазине, который он навещал по вечерам, симпатичную латиноску с копной темных вьющихся волос и большим улыбчивым ртом. Девушка крутилась рядом, покупала пакетики с готовой едой и выпархивала из магазина. Русский не делал никаких попыток завязать с ней знакомство, хотя видел, что девчонка приводит в раж других посетителей мужского пола. Догадливый владелец лавки, быстро сообразив, какую рекламу девица делает его заведению, поставил ее на льготный тариф и даже предлагал сфотографироваться на афишу в его витрине.

Время шло, а продвижения с Голубиным не было никакого. Пользуясь установившейся жарой, Гарсия все больше

и больше обнажала прелести своей фигуры и уже откровенно скользила по лицу парня пьянящим блудливым взглядом, но тот спокойно смотрел сквозь нее и, не выказывая никакого интереса, уходил к себе в общежитие.

Между тем наружка докладывала, что русский совсем не равнодушен к женскому телу. Его неоднократно засекали за внимательным рассматриванием соблазнительных обложек «Плейбоя» и другой подобной мишуры. Зден решил, что Голубин подозревает в лице Гарсии наживку и поэтому не клюет. Видно, с девчонкой ничего не получится. Надо искать другой вариант, только прежде чем снять ее с задания, следует пойти ва-банк. Тут уж терять нечего.

В очередной раз Гарсия рассыпала под ноги русскому такой большой пакет мандаринов, что даже если бы он захотел смыться, то не смог бы через них переступить. Однако Голубин и не думал смываться, наоборот, он любезно помог девушке собрать фрукты. Они разговорились и вместе вышли на улицу.

Гарсия «опознала» в нем по акценту иностранца и очень обрадовалась, что он из СССР. Сама она была кубинкой, которую родители в детстве вывезли с острова, горела революционным порывом и обожала Фиделя. Естественно, обнаружив такое идейное родство, молодые люди не смогли расстаться и вскоре оказались в скромном гостиничном номере Гарсии, где на столике стояли фотографии ее стариков.

Девушка оказалась права в своих предположениях: Го-

лубин быстро перевел идейную близость в постельную и не прекращал трудиться до первых лучей зари. При этом, в отличие от местных клиентов, которые любят с криками, но недолго, если они латиносы, или засыпают на ходу, если они янки, Голубин делал это непрерывно и методично. К утру он развил небывалую скорость, доведя до онемения нижнюю часть ее тела.

Когда русский, наконец, расслабился, Гарсия посмотрела на него с неподдельным уважением.

– У вас все мужчины такие, или ты – уникам?

– Да нет, я только стажер. До уникама мне еще далеко.

Глава 2. 1957 год. Пламя ненависти

В памяти Збигнева Жабиньского навсегда останется залитое слезами лицо отца, который водил смычком по струнам расстроенной скрипки и рыдал в голос. Неверные и срывающиеся звуки полонеза Огинского перемешивались с плачем старика и делали картину невыносимой. В тот день пришла весть о провозглашении в Польше коммунистического правительствa. Прочитав газеты, Рышард Жабиньский, бывший посол Польши в Канаде, открыл книжный шкаф, достал из-за стопки журналов бутылку водки, жадно выпил ее, наливая стакан за стаканом, потом взял скрипку и, закрыв глаза, начал играть.

Шел тогда 1945 год. Збигневу исполнилось 17 лет, семь из которых он провел в Канаде. Спокойная страна, благополучный народ. Что еще надо для подростка, чтобы вырасти жизнерадостным и здоровым человеком? Но для семьи польского дипломата, словно пуповиной привязанной к своей родине, лишь первый год пребывания в Канаде был относительно безоблачным. Жабиньские наблюдали за тем, что происходит в Европе, и надеялись, что Святая Дева обережет их родину от нависших с Востока и Запада грозных туч. По отцовской линии род Жабиньских брал свои истоки из старинного шляхетского сословия. Не одна голова по-

легла в борьбе за независимость Речи Посполитой. Казалось, в двадцатом году судьба улыбнулась полякам. Им наконец-то удалось разгромить русскую армию и установить собственную власть у себя в стране. Но всего лишь девятнадцать лет продолжалось это упоительное состояние взлета национального духа. Надежды на защиту Неба не сбылись, и Жабиньские со страшной болью восприняли раздел Польши между Гитлером и Сталиным. Потом они сопереживали борьбе за освобождение, питали надежды на Армию Крайову, помощь западных союзников. Однако кончилось это приходом в Польшу большевистского режима.

Збигнев смотрел на отца, и душу его раздирала жалость к старику и ненависть ко всем пришлым – фашистам, коммунистам, и особенно к русским, учредившим в стране новое, чуждое правление.

Старый Жабиньский приложил немало сил для того, чтобы подготовить сына к самостоятельному осмыслению мира, привить ему вкус к политике. Было естественным, что все его воспитание вращалось вокруг истории родного края – истории бесконечных войн с соседями, временных побед и горьких поражений. Отец Збигнева нес в себе свойственное шляхте высокомерное отношение к православным соседям, полагая, что католическая вера ставит его выше этих духовно недоразвитых людей. Он считал, что православие не дает народу возможности выжить в исторической битве. Тот, кто считает себя грешным и осужденным на вечное по-

каяние, не может разогнуть спину и будет побежден сильными противниками. Какая, казалось бы, небольшая разница в вере, а как она сказывается на характере народа! Католик видел в Христе Искупителя. Господь своей мученической смертью искупил былые и грядущие грехи верующих в него. И Папа Римский всегда может рапростереть длань над тобою и сказать: иди и завоевывай, не жалея врагов, убивай и жги, я заранее прощаю тебе твои грехи, я наместник Бога на земле. А убогая православная вера утверждает, что Христос был всего лишь Спасителем, то есть указал путь спасения грешным людям. Но какой путь? Тот самый, которым прошел сам, – путь смирения и покорности, вечного осознания своей человеческой ущербности и стремления ее исправить.

Будучи молодым офицером, Рышард мог убедиться в неполноценности русских пленных в многочисленных лагерях, образовавшихся после «Чуда на Висле» – разгрома армии Тухачевского. Тогда в этих лагерях загнулись от голода более ста тысяч пленных. Особенно их никто не считал. Пленных держали там только из чувства страха и ненависти к москалям. Война была выиграна, и лагеря можно было бы распустить. Но боялись новых нападений и рассматривали пленных как заложников, постепенно уменьшая их число голодным мором. Вот тут и проявилось православие русских, будто бы забытое во время гражданской войны. Перед лицом смерти бывшие красноармейцы стали носить натель-

ные кресты, среди них появились доморощенные священники, и даже стало проводиться что-то наподобие молебнов. Глядя в глаза этим людям, подпоручик Жабиньский видел в них бездонную неземную пустоту – они уже готовились уйти Туда. Готовились смиренно, принимая это как волю Божью. Нет! Такая вера ему не нужна! Как повел бы он себя на их месте? Скорее всего, погиб бы при попытке к бегству. Но вот так обреченно ждать кончины он не смог бы. Жизнь дается для того, чтобы жить, а не ждать.

Рышард Жабиньский не хотел думать о том, что и католическая вера не дает человеку права на заведомый грех. Но вся политика католических государств испокон веков была сплошным нарушением Святых Заповедей, и от этого государства становились только сильнее, а значит, поступали правильно. Хотя вряд ли последнее касалось Польши. Многовековая битва за землю, развернувшаяся между польской шляхтой и соседями, была беспощадной и кровавой, но так и не сделавшей Речь Посполитую могучим государством на века. Рышард не хотел думать о том, что именно гордыня, не сдерживаемое религией желание завоевать побольше территорий и сокровищ толкали шляхетство на авантюры, чаще всего кончавшиеся для него поражениями и большой кровью. Рышарду нельзя было задаваться вопросом, почему православные русские век за веком расширяли свои владения и превратились в конце концов в огромную империю. Ведь тогда пришлось бы признать, что существует в их сми-

ренной вере нечто особенное, помогавшее им в этой неспешной экспансии. Признать это означало бы признать, что православие все-таки пользуется промыслом Божиим, а католичество от его недостатка страдает. Такое было немислимо. Не хотел он говорить об этом и с сыном, поэтому Збигнев вырос убежденным католиком, не знающим сомнений в правоте своей веры.

В семнадцать лет Збигнев готовился поступить в университет. Он был уже к этому времени идейно сформировавшимся человеком и к тому же имел хорошие способности для учебы. Его мать неоднократно поговаривала, что от польско-еврейских браков происходит сильное потомство, оно усваивает огневой польский темперамент и пронизательный еврейский ум. Шляхта давно практиковала смешанные браки с дочерьми богатых евреев для укрепления состояния, а то и для дальнейшего обогащения. Не избежал этой судьбы и Рышард Жабиньский, который, правда, к своим материальным расчетам прибавил и два других немаловажных соображения. Во-первых, он без ума влюбился в красавицу Руфь Рабенштайн, известную своими вокальными данными, а во-вторых, будучи прогрессистом, Рышард считал такой брак передовым. Он утер нос многим друзьям-антисемитам из своего близкого окружения.

Потом он понял, что смешанная кровь может помешать Збигневу в Польше. Антиеврейские настроения здесь носили скрытый, но глубокий характер. Поэтому он с энтузиаз-

мом воспринял предложение поехать послом в Канаду, которая обещала стать трамплином для совсем другой жизни его отпрыска.

Да, молодой Жабиньский имел прекрасные способности – способности уникальные и редко встречающиеся. И он не оставил их невостребованными. Потом, когда Збигнев мысленно возвращался к прожитым годам и думал о причинах своих успехов, он вспоминал науку, преподнесенную отцом. Ведь именно ненависть к врагам мобилизовала в нем внутренние ресурсы, заставила работать над собой день и ночь и, в конце концов, выбиться в ту элиту человечества, которая определяет траекторию его развития. Збигнев Жабиньский – один из умнейших людей двадцатого века.

«Кто же ты, Збигнев? – спрашивал он себя и отвечал: – В глубине моей души лежит любовь к поруганной родине и ненависть к ее врагам». Он вдруг вспомнил слова великого Герберта Уэллса: «Англии никогда не стать великой нацией, если не будет действовать в категориях зла». Да, ненависть – великое чувство. Оно придает неисчерпаемые силы.

Потом он пытался осмыслить эту ненависть. Почему она так глубока? Со слов отца? Неужели это может быть? Вербально внушенное чувство редко бывает глубоким. Чувство сильно тогда, когда оно порождено личным опытом. Но ведь русские конкретно ничего плохого Збигневу не сделали. Да, они насадили свой режим в его Польше. Однако этот режим принят населением. Оно не ушло в леса, не стреляет ком-

мунистов. Оно что-то там строит. В чем же дело? Почему в душе его при мыслях о России скрежещет дробь барабана и раздается визг флейты, будто флейтиста уже прокололи штыком, и он в последний раз выплюнул в нее содержимое своей утробы?

Збигнев уединился в своем углу, зажигал свечу и молился Господу, прося его о прояснении сознания. Его единственно правильная католическая вера осуждает ненависть и насилие, но молчит, когда они употребляются во славу Христа. Сколько крови пролито крестоносцами и монашескими орденами в защиту славы Господней! Сколько еще прольется крови отколовшихся от истинной веры во исполнение Господней воли. Правы были святейшие Папы, посылавшие свои воинства для спасения Гроба Господня. Эта битва не кончится никогда, хотя сегодня другое время и другая ситуация. Последняя мировая война породила широкий пацифизм. Развелась целая армия дурачков, считающих, что войн можно избежать. Всю историю человечества войны следовали одна за другой. А тут образовалось движение, не признающее простых законов истории. Эти недоумки пытаются сделать международную политику уделом блаженных миротворцев. Конечно, этого не случится никогда, но ведь они влияют на мозги людей. Сегодня целые народы считают войну неестественным делом. Благодаря им нормальное понимание войны как легитимного средства вышло за рамки легальности.

Збигнева угнетала мысль о том, что после Второй мировой войны человечество начинает отклоняться от главной магистрали своего развития. Он стал упорно искать причины своих ощущений и глубоко заниматься историей в университете.

Жабиньский с блеском окончил Гарвард, в двадцать пять лет стал преподавателем центра русских исследований при Гарвардском университете и весь свой темперамент, всю свою страсть посвятил изучению России, этой черной дыры, ненависть к которой передалась ему, наверное, по крови.

Еще через четыре года успехи в исследованиях позволили ему стать самым молодым директором института. Збигнев возглавил Институт по вопросам коммунизма. Все это время его мысль билась над осознанием главных противоречий эпохи, осмыслением роли США в мире.

Постепенно Збигнев стал осознавать, что он превратился в одного из немногих людей на Западе, способных системно выстроить картину новейшей истории. Американская политика, исходящая из довольно смутных представлений о собственных целях на международной арене, была путаной и непоследовательной. Коммунизм казался американским руководителям страшным и непредсказуемым хищником, бороться с которым следовало только силой или, по крайней мере, угрозой силы. Происходила чудовищная подмена понятий. Свободный и быстро развивающийся американский мир не противопоставлял скованному насилием,

обюрокращенному коммунизму никакой эффективной идеологии. Складывалось впечатление, что большевизм является более прогрессивной и исторически оправданной формой. А все потому, что у коммунистов была теория, и они умело ею пользовались, а США, в силу того, что в теории не нуждались, оказались безоружными. В результате цунами большевизма захлестывало все новые и новые континенты, а американские президенты не знали ему никакого противодействия, кроме бомбардировщиков и солдат, бездарно гибнущих вдали от родины.

Поэтому Збигнев решил взять на себя создание идейных основ американского видения мира. Правда, еще в 1948 году была издана Директива администрации, предписывающая американскому государству работать над тем, чтобы повергнуть СССР в прах. Но она осталась только руководством для кучки спецслужб. А он, Збигнев Жабиньский, взял на себя куда большую роль – сформировать новое сознание американской нации.

Глава 3. 1958 год. Вербовка Голубина

Резидентура ЦРУ в Нью-Йорке. Снова из приемника льется голос саксофона, источающий призыв истомленной плоти и тайну соблазна.

Рассматривая постельные фотографии Голубина и Гарсии, Зден заметил, что девушка, кажется, схватила крепкий кайф.

– Непонятно, кто на кого из них будет работать. Похоже, она под впечатлением, – сказал он Клайву.

– Можешь не опасаться, приятель. Эта девка видела и не таких героев. Какие наши дальнейшие действия?

Сценарий вербовки предполагал грубый прессинг, поэтому Полански и Коэн ввалились в комнату к русскому без стука. Они прошли к столу, не снимая шляп, и сели, развернув стулья к Голубину, который лежал на кровати с журналом в руках. Тот не спеша приподнялся на локте, любезно улыбнулся и на хорошем английском, но с заметным акцентом, спокойно произнес:

– Надо полагать, джентльмены ошиблись дверью.

Выдерживая план, Полански, стараясь выглядеть пренебрежительно-устрашающим, прорычал сквозь зубы:

– Никоим образом. Мы явились как раз к вам, мистер Го-

лубин.

– Видимо, в этом месте мне должно стать страшно, не так ли, мистер.... как Вас...

– Зовите меня Зден. А будет ли вам страшно, мы сейчас посмотрим. – Полански небрежным движением руки выбросил на стол россыпь глянцевых фотографий, изображавших Голубина с Гарсией в самых откровенных позах.

Голубин потянулся к столу рукой, взял одну из них, мельком взглянул, затем бросил на пол и, позевывая, сказал:

– Примитивный фотомонтаж. Можете им подтереться. Вы, очевидно, полагаете, что в нашей конторе сидят такие же ослы, как вы. Это обидно. А хотите, я скажу, из какого вы агентства?

– Скажите. Я думаю, это не отвлечет нас от предмета нашего разговора. Из какого же? – полюбопытствовал Полански.

– Вы из ЦРУ, джентльмены. А знаете, по какому признаку я определил? По вашим кривляниям. Сразу видно, что вы еще в начале пути и вам приходится притворяться идиотами. А вот ребятам из ФБР, что обложили нашу группу, этого делать совсем не надо. Такое впечатление, что им сразу после рождения стучают бейсбольной битой по чайнику, чтобы, не дай Бог, в нем не зародилась мысль. Теперь насчет моей вербовки с помощью этой шлюхи. Я вам предлагаю покинуть помещение и сообщить шефу, что вербовка не состоялась по причине вашего полного кретинизма. Если попытки

повторятся, то наша группа соберет в университете маленькую пресс-конференцию и в деталях расскажет журналистам об американском гостеприимстве.

– Может быть, пора прекратить геройствовать, Олег? – взял другой тон Полански. – Я три года проработал в Москве и хорошо знаю, что с вами будет, если эти картинки получат хождение.

– Ну и что же такого страшного со мной случится, милый Зден? Увольнение с работы, выговор по партийной линии, развод с женой? А вы не догадываетесь, что все эти драматические последствия просто ничто в сравнении с высшей мерой наказания, которую у нас применяют к предателям? Вам что-нибудь говорит фамилия подполковника Попова из ГРУ Генштаба? Он отправился на тот свет из-за вопиющей безграмотности гамадрил из вашего агентства. Что вы на это скажете? Я знаю, что крыть вам нечем, поэтому убирайтесь и прошу больше не портить мне настроение вашими рожами.

Голубин взял в руки журнал и сделал вид, что углубился в чтение. Сотрудники ЦРУ переглянулись и поднялись. Они уже подходили к двери, когда Голубин бросил им вдогонку:

– Передайте своему шефу, что нельзя быть такого низкого мнения о советской разведке.

Прочитав служебную записку о неудавшемся вербовочном подходе к русскому, заместитель директора ЦРУ Чарльз Кейбл, кажется, обрадовался. Он еще раз тщательно опросил Полански о ходе беседы, затем встал и прошелся по кабине-

ту.

– Все не так плохо, Зден. Не держите на русского зла. Видно, что у него хорошая подготовка, да и по личным качествам он крепкий орешек. Но вы правы. Что-то мне кажется в нем необычным. Особенно его последняя фраза. Бросать его мы не будем. Я хочу встретиться с ним сам. Этот парень мне нравится. Сделайте так, чтобы отсечь его от группы и заманить в какую-нибудь тихую богадельню, где можно спокойно побеседовать.

Через неделю полногрудая тьюторша русской группы Мэдлен Хьюз, фамилию которой русские аспиранты между собой переиначили на свой лад, попросила Голубина проконсультировать молодого американского советолога, написавшего реферат на русском языке. Голубин с удовольствием согласился. Мэдлен провела его путанными коридорами по учебному зданию университета и, наконец, постучала в неприметную дверь в каком-то тупике.

– Войдите, – раздался низкий голос.

Голубин шагнул в комнату и вместо молодого ученого увидел солидного джентльмена средних лет в отменном костюме и с голливудской прической.

– Входите, входите, мистер Голубин, – обаятельно улыбаясь, пропел тот приятным баритоном. – Я надеюсь, вы не будете со мной столь же категоричны, как с моими сотрудниками. Разрешите представиться – Чарльз Кейбл, заместитель директора ЦРУ.

Голубин молча сел в кресло и вопросительно взглянул на американца. Мэдлен исчезла. Он лишь заметил, что, закрывая за собой дверь, она нажала кнопку автоматического замыкания замка.

– Мистер Голубин, я думаю, разница в возрасте позволяет мне называть вас – Олег. Вы не против?

– Хорошо, я – Олег, вы – Чарльз.

Кейбл весело рассмеялся.

– Какой вы колючий, Олег. Надо сказать, я получил большое удовольствие, когда читал отчет двух моих бездельников о встрече с вами. Вы их разделали под орех. Не обижайтесь на моих ребят. Мы, американцы, в оперативном искусстве еще дети. Мы только начинаем. Но это не значит, что мы относимся к нашей работе как верхогляды. Нет, конечно. Поэтому я и пришел к вам. Я понял, что вы серьезный человек, с которым надо работать по самой высшей разметке. Как видите, выше у нас уже не бывает. Сам директор ЦРУ оперативной работой не занимается. Он – политик.

– Скажите, какой толк Вам от маленького стажера, который и знать-то ничего не знает?

– Вы хотите вывести меня на тему предательства? Хотите услышать, как я буду рассуждать о том, что Вы не просто стажер, а сотрудник советской разведки, значит, будете знать много-много секретов о работе против нас. Вы, видимо, полагаете, что за эти секреты я пообещаю вам несметные богатства и так далее, и так далее. Ничего такого, дорогой

Олег, я делать не собираюсь. Послушайте меня, а затем поразмыслите над ответом.

Он сделал небольшую паузу, словно разграничивая вступительную часть разговора с той главной, которая последует сейчас. Голубин понял, что Чарльз будет многоречив, и, слегка откинувшись в кресле, принял более свободную позу. Кейбл коротко взглянул на собеседника и заговорил:

– Конечно, секреты советских шпионов – вещи очень интересные, и мы будем за ними охотиться. Но разве в этом главная задача ЦРУ? Отнюдь нет. Наша главная цель – создание в России ядра людей, которые когда-нибудь, в будущем, трансформируют коммунистическую диктатуру в общество, подобное нашему. Согласитесь, цель высокая. Мы ведь видим, что наше общество Вам совсем не противно. Вот к чему я пришел, изучая материалы вашего дела. Начну сразу с главного. Когда Вы легли с Гарсией в постель, я понял: этот парень плевать хотел на все инструкции и правила поведения для советских граждан за рубежом. Он ставит интересы собственной личности выше тупого партийного параграфа. Вы знаете, я никогда так не смеялся, как при чтении инструкции ЦК для ваших соотечественников, выезжающих за границу. Цитирую по памяти: «...оказавшись в одном купе с лицом противоположного пола, потребуйте у проводника вашего перевода в другое купе либо удаления этого лица из вашего купе...». У нас «лицо противоположного пола» приняло бы такой демарш за обострение психической

болезни. Ну ладно, что-то я отвлекся. Так вот, Вы сделали это так уверенно, так сильно, что я понял – это наш человек. С ним надо встретиться. По опыту довольно продолжительной своей жизни я знаю, что люди делятся на генетические виды и подвиды. Вот вы – генетический индивидуалист. Для обычного советского человека это может прозвучать обидно. Он привык к другим ценностям. А Вы, я думаю, не обидитесь. Потому что индивидуалист – это всегда сильная натура, независимость мышления и поступков, уникальность интересов. А подвид Ваш – талантливый индивидуалист. Вы прекрасно овладели английским языком, отлично оперируете политическим понятийным аппаратом, у Вас экспрессивная и убедительная речь. Вы обаятельны обаянием сильного человека. С таким набором качеств Вы могли бы пойти очень далеко, но только не в СССР. У Вас на Родине сегодня властвует серость, потому что принцип коллективизма превращает людей в стаю черных ворон, готовых заклевать белую ворону. Ваша страна сегодня – это царство серости, и Вы это знаете лучше меня. Вот Вы вернетесь к себе в штаб-квартиру для того, чтобы в течение нескольких лет пережить ряд профессиональных крушений. Вы увидите, что ваши оперативные успехи никому не нужны, а Вас будут быстро обгонять по служебной лестнице подхалимы и негодяи из партийного набора. Особенно неприятно будет, когда за Вашу самоотверженную работу получит ордена свора карьеристов и трусов, а Вас наградят ценным подарком в виде комплекта

нержавеющих вилок.

Поэтому Вы мне интересны не как шпион, а как будущий соратник в преобразовании советского коммунистического стада в общество индивидуалистов, которое только и может быть процветающим. Я уверен, что если мы будем Вам помогать, то Вы быстро вырастаете до влиятельной фигуры в своем государстве. И даже если между нами не будет связи, все равно Вы будете действовать именно так, как нам надо.

Я предлагаю Вам сегодня не вербовку. Я предлагаю идейно-политическое сотрудничество. Клянусь, я не задам Вам ни одного вопроса о секретах советской разведки. Я точно знаю, что эти секреты не имеют исторической ценности. Все, что я надеюсь от Вас получить, – не сейчас, а позже, когда Вы будете в руководящем звене, – Ваше мнение о партийных номенклатурщиках и Ваши рекомендации по политическим шагам. Я не предлагаю Вам никаких денег, но я предлагаю профессиональный успех. С нашей помощью Вы приобретете здесь свой первый источник, и Ваша звезда в вашем ведомстве начнет стремительно восходить.

Когда Кейбл закончил свой монолог, Голубин почесал переносицу, улыбнулся и негромким, ленивым голосом сказал:

– Все, что Вы наплели здесь, Чарльз, вполне подошло бы какому-нибудь московскому стилияге. Он, возможно, и вправду поверил бы, что Штаты изо всех сил рвутся принести как можно больше пользы Советскому Союзу. Надо полагать, мы на очереди после Латинской Америки и Африки.

Там от Ваших «добрых дел» не успевают хоронить и красных, и розовых. Кстати, не хотите ли Вы в результате предлагаемого стратегического сотрудничества интронизировать в Кремле какого-нибудь бастарда, вроде Вашего Папы-Дока на Гаити?

Мне действительно кое-что нравится в вашей стране. Здесь есть множество бесспорных преимуществ по сравнению с нашей серой жизнью. Только вот одного я у вас не заметил – стремления реально делать добро за пределами Америки, хотя вопите вы об этом так много, что сами стали в это верить. Я пришел к выводу, что индивидуальный эгоизм американцев, объединяясь в народную волю, превращается в эгоизм целой страны. При этом нравы невымытых техасских ковбоев она учреждает во всем мире. Поэтому считайте, что вербовка на идейно-политической основе у Вас не получилась. Я не могу симпатизировать Штатам, потому что у меня во лбу торчат два глаза и они видят, что симпатизировать вам не за что. Извините.

Чарльз молчал. Профессиональным чутьем он угадал, что это пока лишь прелюдия к главному, к чему подбирается этот русский.

– Теперь о главном, – словно подхватил его мысль Голубин. – Вы формально правы. Агента из меня не сделать, хотя в тайне Вы хотели именно этого. Но наши интересы пересекаются, и на этой точке пересечения можно кое-что устроить. Только, повторяю, забудьте, что перед вами человек, ко-

торый будет работать по Вашим указаниям. Мы можем сделать взаимовыгодный бизнес. Я специально лег в койку с вашей шлюхой, чтобы пригласить Вас к беседе. Вы пришли, и я хочу сказать следующее.

Индивидуалист я или нет, не очень важно. Сейчас в нашей системе подавляется любая личность. И слабая, и сильная. Меня это мало волнует, потому что я могу жить собственной жизнью, независимо от нравов окружения. Ведь свобода личности важна для тех, кто ищет самовыражения, а им этого не позволяют. Мне не общественное признание нужно, а совсем другое. Я не хочу повторить судьбу своего отца, который после двадцати пяти лет работы в органах уходит на крохотную пенсию младшим лейтенантом. Может быть, он не был талантлив. Но он был честен, и это не стало плюсом его биографии. Как раз потому, что он, старый питерец, с чувством человеческого достоинства и скромностью, всегда затирался выскочками. К сожалению, такая же планида ждет и меня, но я не хочу с этим мириться. Поэтому я готов принять вашу помощь для того, чтобы вырасти до руководителя и навести должный порядок хотя бы в своей службе. Забудьте о секретной информации, о тайниковых операциях и денежных вознаграждениях. Я буду встречаться с Вами для обсуждения только тех вопросов, какие сам считаю нужным обозначить. Полагаю, они не будут бесполезны. При этом не вздумайте давать мне на связь тех ослов, которые приходили ко мне в общежитие. Я буду общаться только

с людьми вашего уровня. Кстати, очень важный момент. Если я пойму, что вы поставили меня на учет в ЦРУ как агента или источник любого другого рода, а значит, об этом будет узнавать все больше и больше людей, я прерву отношения. Я требую, чтобы о нашей связи знали не более двух-трех человек. Примите это всерьез.

Теперь о бизнесе, который мы сможем сделать вместе. Через полгода моя командировка заканчивается. Если я привезу из нее интересный, оперативно перспективный контакт, этого будет достаточно. Обязательное условие: у него должны быть разведывательные возможности. Доступ к секретам. Как это лучше обстряпать, думайте сами. Давайте встретимся через месяц, и Вы назовете мне имя этого человека. Больше ничего не надо, остальное я сделаю сам. Потом я уеду в Москву и вскоре вернусь сюда уже в долгосрочную командировку. Вот тогда мы поговорим более обстоятельно. Что Вы на это скажете?

– Мне нравится ваша манера, Олег. Считайте, что кандидат в агенты из числа американцев у вас уже есть. Теперь я верю, что у нас действительно получится бизнес.

* * *

– Этот сосунок очень зубастый. Такой кусачий, каких мало. Тебе с ним не справиться, Зден, – сказал Кейбл, выключая запись беседы с Голубиным. – Не могу сказать, что я его

завербовал. Психологическая подготовка у него прекрасная. Порой кажется, что он меня, старика, переигрывает. Мыслит четко, не теряется, любит вспрыски адреналина в кровь. Молодец. Но жизненного опыта у него мало. Сосунок еще. Искренне верит, что сможет на равных вести партнерство с нами. Просто не знает, что если будет нужно, мы его придавим как червяка. И уж куда ему будет трепыхаться, когда его встречи со мной документируются со всех сторон. Но это крайний случай. Думаю, все пойдет более плавным путем. Ведь постепенно образуются родственные чувства, и начинается плотное общение, в котором выливается все: и личные дела, и секретная информация, да и денежки начинают казаться не такими отвратительными, как поначалу. Так что дело сдвинулось с мертвой точки, и не будем его подталкивать. Пусть идет естественным ходом. Надо позаботиться о появлении у Голубина агентурной разработки. Думаю, лучше всего подыскать для него парня из военно-промышленного комплекса. Какого-нибудь инженера, имеющего доступ к военным технологиям. Договориться о том, что он будет на связи у Голубина много лет, продумать концепцию работы и, главное, передачи секретных сведений. Так, чтобы на самом деле не причинить ущерба нашим интересам. Через месяц я с Голубиным встречаюсь. Будь добр, подготовь вариант к этому времени. Кстати, какой псевдоним ему присвоим? Кого он тебе напоминает?

– Когда я впервые увидел его лицо на фотографии, я поду-

мал о хитром лисе, готовом обожраться краденными курами.

– Вот и прекрасно. С сегодняшнего дня Голубин в нашем оперативном обращении будет называться «Лисом». Кстати, на централизованные учеты его не ставь. Пусть пойдет по моим личным учетам. Я обещал ему это. Надо же, чтобы агентство хотя бы изредка исполняло свои обещания, так ведь?

На сей раз встреча проходила в апартаментах доходного дома, куда Голубин пришел вслед за толстухой Хьюз, ставшей теперь его связной. В хорошо обставленной солнечной комнате их поджидали Чарльз Кейбл и невзрачный смугловатый мужчина в помятом костюме. После приветствий зам. директора ЦРУ сразу приступил к делу.

– Вот человек, на которого ты можешь полагаться, Олег. Его зовут Патрик Хейг, и он является ведущим инженером компании «Геркулес». Его специальность – ракетное топливо. Будете с ним играть в индейцев, или, как говорят в России, в казаков-разбойников. Замысел состоит в следующем.

Сейчас между нами и красными разворачивается гонка в разработке нового типа ракет – так называемых, твердотопливных носителей. Отличий твердотопливной ракеты от ее сестры на жидком топливе имеется масса, и все они в пользу твердого топлива. Во-первых, оно не столь опасно в обслуживании. Ведь и у наших, и у ваших ракетчиков жидкостные ракеты, стоящие на боевом дежурстве, – настоящая го-

ловная боль. Не дай Бог, произойдет утечка и самопроизвольное смешение компонентов. Это катастрофа. Такие катастрофы, к сожалению, случаются. Поддерживать эти ракеты в боеспособном состоянии тоже непросто. Нужны постоянные инспекции шахт, опасные для жизни обследования двигателей. Ведь горючее очень агрессивно. Стоит пару раз глотнуть испарений – и ты уже на том свете. Запасные ракеты можно хранить только в сухом виде и заправлять их нужно перед стартом. Представляешь себе, сколько времени уйдет на заливку горючего в крошку высотой тридцать и шириной пять метров, если объявлена атомная тревога и счет идет на минуты?

С твердым топливом таких проблем нет. Это почти такой же порох, каким заряжают охотничьи ружья, и он может находиться в ракете сколь угодно долго. Более того, даже запасные ракеты в арсеналах можно хранить заряженными, а в случае тревоги в течение считанных минут погрузить их на транспортер и вывести на стартовую позицию. К тому же они летят быстрее и точнее, чем эти бидоны с керосином. Понимаешь разницу?

– Разницу вижу, но задумки вашей операции пока не понимаю. Ну, делают американские и советские ракетчики свои виды твердого топлива. Ну, американцы подсовывают советским туфту, и те некоторое время идут по тупиковому пути, а затем все равно спохватятся и догонят американцев. Чего ради эти игры?

– Формально ты прав, Олег, а в практическом измерении все гораздо сложнее.

Между нами идет постоянная гонка на опережение. Причем, она регулярно переходит в новые плоскости. Был период, когда мы создали стратегическую авиацию, способную смести с лица земли все советские индустриальные и военные центры. У вас такой авиации не было, но вы создали ракетный арсенал. Теперь в ответ на это мы создаем ракетный арсенал, который должен быть эффективнее советского. Это имеет огромное политическое и психологическое значение. Уже никакой Хрущев не посмеет грозить нам «кузькиной матерью», если он будет знать, что наш ядерный потенциал обладает более высокой боеготовностью и поражающей способностью, – понимаешь?

– То есть, вопрос идет о том, кто быстрее создаст новое качество и применит его в политике, так?

– Так, мой молодой друг. Вы удивительно догадливы. Именно в этих целях мы и задумываем провернуть довольно большую и растянутую по времени комбинацию, для того чтобы лет этак пять вести ваших ракетчиков по ложному следу. В этих целях в «Геркулесе» создается специальная группа под руководством Патрика, которая будет заниматься разработкой заведомо тупикового направления в твердом горючем. Ты «завербуешь» Патрика, и он начнет поставлять документацию своей лаборатории через тебя нашим ракетостроителям.

– План замечательный. Через пять лет наша оборонка объявит, что благодаря моим усилиям ее завели в тупик, и мне снимут голову. А вы, видимо, получите очередное повышение, не так ли?

– Через пять лет, друг мой, основное мое занятие будет заключаться в ловле форели где-нибудь в штате Айдахо. А ты взлетишь очень высоко благодаря нам. И тебе нечего бояться, ведь ты мог передавать настоящую информацию из лаборатории, которая выбрала неверное направление. Ты, наверное, знаешь, что по ключевым темам всегда работают несколько команд ученых и между ними идет соревнование. Вот и оказалось, что ты вышел не на самую лучшую команду. Помимо этого, в вашей системе информацию оборонке передает не Олег Голубин, а Комитет ее оценивает, проверяет и ею же отчитывается за полученные деньги. Кто же из твоих начальников признается, что прохлопал ушами и не смог вовремя распознать слабинку? А какой спрос с тебя, молодого работника, которому это низкое качество подсунули? Ты кто, академик Харитон? Это начальники твои должны будут слабинку распознать. Только им рапортовать хочется, награды получать, ну и все такое прочее, ты лучше меня знаешь. Так что самое страшное последствие для тебя будет заключаться в том, что дело тихо закроют. Другой опасности здесь нет.

– Хорошо, считайте, что в этом пункте принято. Давайте договоримся о схеме работы.

– Думаю, здесь не надо хитрить. Вы «познакомитесь» с Патриком и его женой на советской выставке в Вашингтоне. Дело очень естественное, не вызывающее подозрений. Проведете одну-две встречи до твоего отъезда, и хватит. Не будем сразу демонстрировать динамику. Начнется все ни шатко, ни валко. Перед самым отъездом, при прощании, Патрик «проговорится» тебе о своей работе, в общих чертах, скажет, что горячо симпатизирует СССР, и пригласит дружить, если ты снова появишься в Штатах. Думаю, этого будет вполне достаточно, чтобы твое начальство загорелось желанием оформить тебя в командировку в США уже на более долгий период. Ведь таких как Патрик серьезные спецслужбы из рук не выпускают. Ну а в том, что твоя спецслужба серьезная, никто не сомневается.

А когда ты вернешься к нам, начнем работать всерьез. Как мой план?

– План достоин осмысления. Я подумаю и сообщу окончательное решение при следующей встрече.

Глава 4. 1960 год. Крылья ястреба

Чем дальше Збигнев Жабиньский углублялся в мировую историю, тем яснее для него становилось, что ее основными действующими лицами являются империи. Они появляются, расцветают и распадаются. Империи в их лучший период являются наиболее развитыми территориями планеты.

«Если бы Древний Рим не развалился, – думал Жабиньский, – какая колоссальная цивилизация сегодня возвышалась бы на его месте». Но все империи разваливались, вызывая крупные потрясения. Збигнев задался целью выявить глубинные причины распада империй и разработать такую схему, которая позволяла бы имперскому государству быть стабильным на многие века. Почему? Потому что он хорошо понимал, что США предопределена роль империи. Только у этой империи пока нет осмысленных научных основ существования, а стихийное развитие может однажды привести к участи Древнего Рима. Да, США – формирующаяся империя. Что же в этом плохого? Империя прогресса. Демократическое устройство американского типа является самым передовым. Оно перемалывает расовые, религиозные, культурные предрассудки населяющих ее народов, оно дает каждому равные права, обеспечивает свободу всех основных форм существования: свободу труда, свободу передви-

жения, свободу совести и организаций. За малым исключением, конечно. Но исключения подтверждают правила. Если представить себе, что все человечество живет по-американски, то это и будет картина самой совершенной цивилизации человечества.

Жабиньский спокойно смотрел на то, что американское общество имеет невысокий духовный и культурный уровень. В конце концов – это все вещи вторичные. А вот первооснова – индустриальный базис – неоспоримо выше всех существующих на планете.

Конечно, как империя, США будет иметь тенденцию к расширению. Это закономерно. Америка неизбежно будет включать в свою орбиту все новые и новые территории. Только территории соцлагеря пока для нее – табу. Открытых посягательств на них делать нельзя. Слишком сильны коммунисты. Попытки переворотов там провалились, советы умеют подавлять их железной рукой. Поэтому основным театром действий до поры до времени будет «третий мир». Здесь развернется главная схватка за сферы влияния. Нарботаны уже убедительные модели, которые позволят рано или поздно обогнать СССР в этой гонке. Демократии в Южной Корее и Тайване – лучшее доказательство преимуществ американской модели перед советской. Ведь их антиподы – Северная Корея и КНР – демонстрируют несопоставимое отставание в темпах развития и уровне жизни.

Но, расширяя империю, надо уже сейчас заботиться о том,

чтобы она в будущем была сколочена крепкими гвоздями и не развалилась.

В чем причина распада всех прежних имперских государств?

Все они имели тенденцию к расширению и однажды оказывались в положении, когда у них не хватало сил управлять периферией из центра. Им приходилось отдавать власть в бесчисленных провинциях местным князькам, контролируя их только военными представителями. А местные власти, конечно же, имели склонность выйти из-под контроля далекой метрополии. И чем дальше распозалась империя, тем слабее была хватка столицы, тем сильнее нарастало стремление в глубинке освободиться от этой хватки. Даже в царской России, которая была во многих отношениях уникальной империей, такие силы тоже были, и они дождались своего часа в 1917 году.

А что же центр? Выявляется странная закономерность: чем больше власти приобретает центральное правительство, чем оно становится богаче, тем больше у него нарастают признаки недееспособности. Правящая знать тонет в роскоши, лени и бездеятельности. Наиболее наглядно это проявилось на примерах двух последних европейских империй: Австрийской и Российской. Эти монархии настолько разложились, что уже не могли дать своим обществам дееспособных правителей. От этого начала подниматься революционная волна, которой они также не смогли противостоять.

Какой же вывод из этого следует? Очень простой: для того чтобы обеспечить жизнеспособность империи, следует постоянно держать под контролем два фактора – стремление провинций к отделению и социальное здоровье элиты.

Если поразмышлять о первом – какое противоядие можно придумать склонности местных князьков к независимости? Что делали прежние империи? Рим учреждал своих прокураторов. Вспомним Понтия Пилата, наместника в Иудее. Потом, когда Христос уже был распят, а евреи перестали слушать Рим, метрополия прислала войска, и Иерусалим был разгромлен. Но это вопроса не решило. Великая империя уже начала распадаться. Причиной было то, что провинциалы имели собственную экономику, от Рима не зависящую. Прав был внучонок раввина Маркс – все причины событий кроются в экономических интересах. Эгоизм метрополии, нежелание делиться с провинцией порождали раскол. Все крики малых наций о самоопределении на самом деле являются недовольством их элит тем, что их не подпустили к кормушке в той степени, в которой им хотелось. Сакраментальная мысль! Использовать это обстоятельство нужно в грядущей борьбе с коммунистами. Среди этой публики спрятались множество хищников, желающих заполучить несметные богатства. Это их качество можно разыграть с большой пользой для Америки.

Но и для укрепления империи это имеет первостепенное значение. Если представить себе, что в мире создана финан-

совая сеть, в которую включены все периферийные вожди, то куда они денутся? Куда денется президент Южной Кореи, если все его личные сбережения, а также все финансовые операции его зятьев и шуринов замкнутся на «Бэнк оф Америка»? Да это же карманный обезьянник!

Нет сомнения в том, что финансовая зависимость преодолет любые потуги на самостоятельность. Если провинциальный вождь начал вопить, надо первым делом посмотреть, где у него хранятся вклады. Если не в американском финансовом институте, то исправить положение. Нет, и никогда не будет политиков, существующих независимо от своего желудка.

Гораздо хуже дело обстоит с вырождением правящего слоя. Америке предстоит идти до мирового господства еще не менее пятидесяти лет, и она к нему, конечно, придет. В том, что коммунистическая система развалится, нет никаких сомнений. Москва уже вошла в фазу отрицательной селекции руководства. Безальтернативная КПСС настолько парализовала живую жизнь внутри сообщества, что может выдвигать на руководящие посты только партократов, не понимающих реальной мировой ситуации. Вожди коммунистов слишком догматично смотрят на мир, поэтому их система обречена. Кажется, это, наконец-то, поняли и в Белом доме.

То, что могучая Америка позволила шайке Кастро захватить Кубу, можно понимать только в одном смысле: амери-

канская власть начинает умную игру с коммунизмом. Фидель принесет Москве огромные финансовые и политические убытки. Примерно так же, как Вашингтону принесли его марионетки, вроде Трухильо. Пора Никите взять в свои мозолистые руки пальму первенства в разорении бюджета собственной страны.

Но деградация собственной элиты – вот проблема. К власти рвется клан Кеннеди. Видимо, представитель этой мощной группы станет следующим президентом. История Кеннеди начиналась в традиционно американском духе. Деды – степенные выходцы из толпы рыжих ирландских переселенцев – богобоязненные и солидные. Опора американского образа жизни. Правда, эти ирландцы, наряду с итальянцами, никак не хотели отказаться от применения ружей в хозяйственной деятельности. Сколько соперников они отправили в лучший мир с помощью этих незамысловатых приспособлений, лучше не спрашивать. Но теперь-то пора уже появляться в новом виде – в виде политической элиты без ущербных качеств. А что происходит? Вся молодежь этого клана просто не способна играть роль больших политиков. Создается впечатление, что предки молодых Кеннеди своим воздержанием породили во внуках неумную страсть к буйным разгулам. Молодая мужская поросль этих ирландцев не знает границ в разврате и бесчинствах. Да и не только Кеннеди. Вся новая элита США отличается тем, что тешит свои инстинкты, как только может. Что говорить о Гарвардском

университете, пропахшем запахом канабиса. Даже в администрации Белого дома считается нормальным курить соломку, а то и понюхивать кокаин. В употребление идут уже синтетические наркотики. Это явные признаки империяльного разложения, и надо очень основательно думать о противо-ядии ему.

И здесь ему на память пришел пример Третьего Рейха. Люди, уничтожившие несметное число единоверцев его матери, растоптавшие родину его отца, задумавшие поработить весь мир, вызывали у Збигнева уважение своей организованностью. Не только дисциплиной рядов, но и заботой о моральной чистоте нации. В гитлеровской Германии не могло быть и речи о моральном разложении «белокурых бестий». Почему?

Он с головой погрузился в опыт гитлеризма и стал выбирать из этого опыта то, что могло пригодиться новой американской империи. По мере знакомства с работами идеологов Третьего Рейха, Збигнев понял главное: Америке надо менять ведущую общественную идею. То миссионерство, которое она проповедует сегодня, на самом деле на империяльную политику не тянет. Слишком оно обманно и невразумительно. Любой китаец понимает его противоречивость. Нельзя нести народам пальмовую ветвь и при этом поливать их напалмом. Надо прямо говорить о глобальности интересов США. Так, как это делал Гитлер, говоря об интересах немецкой нации. И общество будет сплачиваться вокруг ли-

дера, заявившего об этом со всей откровенностью и силой. Конечно, немного гуманного и религиозного дыму подпустить необходимо, но не увлекаться в этом спектакле. Тогда появится самая главная предпосылка к новому историческому этапу: американцы осознают свою ответственность перед историей и начнут сплачиваться вокруг руководящего центра. Каждый американец должен стать эгоистом и являться крохотной частью большого национального эгоизма, который, как бронированный динозавр, будет подчинять себе всех травоядных этого мира. В ушах Збигнева звучала могучая музыка Вагнера. «Полет валькирий» опьянял его и придавал ощущение крыльев за спиной. Будто и сам он – валькирия, носящаяся между грозowymi облаками и призывающая к нападению, к бою.

Збигнев увлекся политологией настолько, что готов был оставить светлый день ради копания в архивах и уединения в кабинете. В свои лучшие годы он превращался почти в затворника, и это уже начинало беспокоить его родителей, мечтавших о внуках. Однако не зря говорят, что браки свершаются на небесах. Давно тлевшее знакомство с семьей бывшего эмигранта из числа крупных чешских политиков как-то само собой начало переходить в более активную фазу. Он однажды посмотрел новым взглядом на свою давнюю подружку Соню Эдер и открыл, что она красива той красотой, которую не пропускают мимо. Соня же не думала убегать от ухаживаний этого умного парня с профилем ястреба. Она охот-

но пошла на сближение с ним, и всего лишь через полгода они образовали симпатичную пару, готовую плодить детей и продолжать дело предков. Состоялась закономерность, давно отмеченная в жизни многих великих людей: каким-то неведомым образом с их пути устраняются все частные проблемы ради того, чтобы они внесли свой вклад в мировую историю. Обретший опору в лице молодой и красивой жены, Жабиньский с новой силой устремился в интереснейшую науку современности – политологию.

Глава 5. 1960 год. Вашингтон. Белый дом

Свет в овальном кабинете Белого дома был слегка приглушен. Рабочий день давно закончился, но для президента Дуайта Эйзенхауэра и директора ЦРУ Аллена Даллеса самый важный разговор только начинался. Эти люди, давно знакомые и доверявшие друг другу, стояли перед проблемой исторического значения. И хотя проблема эта появилась не сегодня, завершение финансового года, требовавшее утверждения новой сметы бюджетных ассигнований, выдвинуло ее на первый план.

– Так что говорят твои ребята по русским вопросам? Неужели дела действительно так плохи? – спросил Эйзенхауэр.

– Плохи, Дуайт. Красные устойчиво держат высокие темпы роста и обгоняют нас почти в шесть раз. Социализм демонстрирует такую выживаемость, что даже дурак Никита не может его затормозить.

– Погоди, Аллен. Давай забудем о цифрах и посмотрим на живые дела. Их два – военный потенциал и уровень жизни. Чего нам ждать здесь?

– Ну, касательно военных дел мы сможем держать паритет сколь угодно долго. Здесь не видно главной опасности –

технологического прорыва. Хотя ученые у них блестящие, принципиально нового оружия на горизонте не просматривается. Как говорит наш дорогой профессор Оппенгеймер – лет на сто вперед ничего хуже атомной бомбы не появится. А вот с жизненным уровнем дело обстоит хуже. Во-первых, Хрущев сумел заразить русских своей бредовой идеей построения коммунизма. Удивительный народ эти русские. Коммунистическая партия просто растоптала их цивилизацию, а они ей верят! Мы регистрируем подъем общественных настроений. На гребне ликования от победы над Гитлером появился еще и энтузиазм строительства красного рая на земле. Они без усталости работают и восстанавливают свое гиблое хозяйство. Корпус менеджеров у них просто превосходный, потребности минимальные, природные богатства неисчислимы. И что очень плохо – их пример быстро становится заразительным во всем мире. По нашим подсчетам, если темпы их роста сохранятся такими, как сегодня, у нас есть не более двадцати лет на все про все. Где-то в восьмидесятом году Советы смогут достичь сопоставимого с нами уровня потребления. Считай, что еще через десять лет они нас обгонят.

– Это будет означать закат нашей цивилизации, так ведь?

– Не стал бы говорить о закате, но все желтые, черные и полосатые части света будут строить у себя именно то, что построили русские. Такой пример не проходит даром. А вот когда и они построят у себя нечто подобное, тогда нам дей-

ствительно придется думать о конце демократической Америки.

– Аллен, ты пугаешь меня этими шутихами уже лет десять. А я, старый дурак, тебе верю. Разве не ты докладывал мне, что сельское хозяйство у русских катится псу под хвост? О каком жизненном уровне ты говоришь?

– Ты понимаешь, Дуайт, это все меня совсем не обнадеживает. Конечно, кремлевские лидеры не сильны в экономике и ворочают свою повозку то в одну, то в другую сторону так, что стон стоит. Но эта страна невероятно богата. Она в состоянии просто сократить сельскохозяйственный сектор до минимума и перейти на закупки продуктов за границей, потому что может себе это позволить. Однако одновременно она будет развивать индустрию и военную промышленность. Ну, а потом – нельзя постоянно надеяться на то, что в Кремле один идиот будет сменять другого. По закону подлости на смену Никите может прийти нормальный человек, который возьмется и за село. Понимаешь мою мысль?

– Прекрасно понимаю, Аллен. Ты думаешь, что Никиту следует поддерживать как можно дольше? А его пьянство и выверты не опасны? Когда я читаю переводы его речей, мне становится не по себе.

– Здесь, конечно, есть определенный риск. Но, мне кажется, он в борьбе за власть так далеко шарахнулся от сталинизма, что к нему уже не вернется. А сталинизм, Дуайт, это самое опасное, что может снова случиться в Советском Союзе.

Такая возможность вполне вероятна. Вокруг Хрущева полно людей сталинской закваски. Вот тогда нам на самом деле придется готовиться к войне, потому что СССР чувствует в себе такую силу, что сталинисты могут посягнуть на свободную часть Европы. Если же Никита продержится еще лет пять, а лучше десять, то в Москве подрастут молодые боссы с более умеренными взглядами. Да и для нас это уже более легкий материал для обработки. Будем стараться налаживать с ними какой-никакой диалог. Без диалога серьезно-го воспитательного влияния оказать нельзя.

– Неужели ты и вправду надеешься вырастить в Москве проамериканское лобби, Аллен?

– О таком счастье я не мечтаю. Если это случится, то не при моей жизни. Но я уверен в следующем. Сегодня русские живут за «железным занавесом» и просто не знают искушения личной свободой и личным благоденствием. Но они от этого не перестали быть людьми, желающими хорошо питаться и вести себя как вольные птицы. Это в натуре человека. Поэтому нам надо просто общаться с ними, показывать своим примером, как мы живем. И дело пойдет. Они начнут терять веру в свой дурацкий коммунизм, который держит их в тисках партийного контроля. Знаешь, Дуайт, если бы мы пошли к ним с распростертыми объятиями, то не Маккарти, а красные вожди начали бы у себя охоту на ведьм и еще плотнее задернули бы занавес. Но мы с тобой не можем себе позволить раскрыть объятия, потому что

это против планов военно-промышленного лобби, которое выросло во время войны. Они нас с тобой выпихнут из Белого дома в два счета. Поэтому придется вести курс на конфронтацию, всерьез не сближаясь с русскими, а играя лишь в дипломатический преферанс. Разложение же их правящих групп придется проводить целевым образом – путем обработки во время политических контактов, вербовки агентуры и массивной пропаганды.

– Насколько велика вероятность, что в их элите появятся наши люди?

– На ближайшие годы весьма невелика. Мы делаем ставку на вербовку молодежи и продвижение ее в правящие структуры Москвы. Мое агентство уже разработало перспективный план такой работы. Я уверен, что без разложения советского руководства мы не решим и задачи по развалу всего соцлагеря. Начинать необходимо с Москвы. Ты же видел, как она жестоко подавила наши восстания в Будапеште и Берлине. Начинать надо, конечно же, с Москвы. Но без методически разработанной программы у нас ничего не получится. Нельзя бороться с идейным противником, не имея собственных идейных устоев. Ведь наш идейный багаж состоит либо из философской зауми, непонятной даже ученым, либо из криков «ура» в адрес рыночной демократии. А те язвы и недостатки, которыми полна наша жизнь, открыты для критики коммунистов. Нам необходим генератор новой идеологии, Дуайт. Мощный ум, который бы сумел дать об-

шеству доступное, но научно обоснованное понимание ценностей демократии. Такого человека я знаю. Это Збигнев Жабиньский. Мое агентство давно отслеживает его деятельность, и должен сказать, мы под впечатлением от его исследований. Я хочу показать тебе краткий релиз его работ, и если ты не будешь против, мы бы запустили его в раскрутку. Такие, как он, нужны не только нам, они нужны всей западной цивилизации. Жабиньский отвечает на самый главный вопрос, который тебя беспокоит: как взять в узду военно-промышленное лобби и создать элитарный консенсус. Это ядро нашей выживаемости. Если мы не сможем гарантировать подконтрольность бешеных псов из военно-промышленных кругов на весь период ядерного противостояния, взаимное уничтожение с СССР нам обеспечено.

– А в чем суть его идеи?

– Суть в том, что он совершенно обоснованно считает неправильной нашу позицию в пропагандистской войне. Самый лучший способ мобилизовать врага – это показывать ему кулак, что мы с тобой успешно и делаем. Делаем мы это потому, что танцуем под дудку ВПК, что однажды приведет нас на край пропасти. Жабиньский утверждает, что интересы ВПК можно увести в сторону от нагнетания опасности ядерной войны без ущерба для его доходов и начать новую эру в дипломатии с Востоком – эру мягких подходов. Эру ласкового размягчения красных режимов, которые будут таким образом раскачиваться. В то же время он – империа-

лист в лучшем понимании этого слова. Жабиньский исходит из того, что самая лучшая и самая живучая форма экспансионистского государства – это империя. И он предлагает современные формы империи – государственно-монополистической машины, одетой в цивильный костюм, но правящей четкими и жесткими методами. Это совершенно новое понимание политики, Дуайт. Ведь мы все еще путаемся, как дети, между демократическими иллюзиями и жесткими императивами нашей экспансии во всем мире. Жабиньский развеивает иллюзии и говорит о будущем нашей политики трезвым и безжалостным языком, называя вещи своими именами. Этот мальчик может стать нашей главной извилиной, если мы это ему позволим.

– Мне бы хотелось поговорить с этим парнем. Устрой мне встречу с ним, не откладывая в долгий ящик.

– Нет проблем, Дуайт. На следующей неделе мы будем у тебя.

* * *

Дуайт Эйзенхауэр пристально взглянул на Жабиньского и промолвил:

– Мне много говорили о вас, молодой человек, но признаться, работ ваших я не читал. Не хватает времени, знаете ли. А вот мистер Даллес очень хвалебно отзывается о ваших трудах и даже полагает, что вы ухватили суть обще-

ственной философии будущего. Так ли это?

– Я не осмелюсь претендовать на авторство в таком большом деле, мистер президент, – с замиранием сердца ответил Збигнев. Он благоговел перед этим человеком, сумевшим из окопных вояк подняться до политика мирового масштаба. – Но я пытаюсь осмыслить те внутренние императивы нашего общества, которые, к сожалению, не учитываются в политике администрации.

– Очень смело! И какие же императивы не учитывает моя администрация? – насупившись, спросил Эйзенхауэр.

– Ваша администрация действует блестяще, мистер президент. Но она действует в рамках сложившейся политической культуры. Культура же эта настолько невразумительна и запутана, что в результате имеет место множество решений без учета этих самых императивов.

– Ну-ну. Что же это мы не учитываем в нашей ежедневной политике?

– Речь идет совсем не о ежедневной политике. Это ведь всего лишь рабочий процесс воплощения концепции. А какова американская внешнеполитическая концепция? Если послушать множество путаников, которые тянут в разные стороны, то можно в конце концов прийти к выводу о том, что американская концепция заключается в демократическом миссионерстве. То есть, в распространении американской модели демократии во всем мире. Примерно под этим лозунгом мы и строим свою жизнь и под этим же лозунгом

успешно проигрываем историческое соревнование с коммунизмом. И непременно его проиграем, потому что это не императив, а выдумка правнуков первых переселенцев, решивших, что весь мир, подобно племенам краснокожих, либо примет их образ жизни, либо будет загнан в резервации.

– Да, верно. Миссионерство и распространение демократии являются нашими главными целями. Что же в них плохого?

– Они прекрасны, мистер президент, только наша демократия абсолютно уникальна и накладывать ее на остальной мир, как кальку, невозможно. Это уже приносит неудачи в различных районах мира и будет их приносить. А главное – это ускоряет распространение коммунизма. Время уже работает против нас.

– Так что же вы предлагаете?

– Я предлагаю довольно внятные вещи. Прежде всего, осознать свою историческую роль как будущей мировой империи и оставить миссионерство на потребу пропагандистов. США – не голубь мира с пальмовой ветвью в клюве и не благодетель, левой рукой свергающий диктаторов, а правой раздающий хлеб бедным. США – формирующийся силовой центр человечества, который будет настолько всемогущ и организован, что окажется в состоянии контролировать все процессы на остальных территориях. История дает США на это право, так как в ядре нашего общества заложен демократический принцип, не позволяющий ему пере-

родиться в диктатуру. Мы – грядущая империя нового типа – империя справедливости и порядка. Империя, мораль которой будет покоиться на основных конфессиях, кроме православной.

– Все, о чем Вы говорите, звучит завораживающе. А вам не кажется, что стоит нам произнести такие вещи с трибуны, как нас с позором прогонят из политики, настолько чудовищно они звучат для демократического уха.

– Если политик будет следовать общественному мнению, мистер президент, то он будет похож на лошадь, запряженную позади повозки. Вопрос прицельного формирования общественного мнения – вопрос чисто технический. Но для этого требуется одно немаловажное обстоятельство.

– И какое же? Эйзенхауэр смотрел на Збигнева с неподдельным интересом. Четкость мышления и рафинированный цинизм выдавали в этом молодом человеке незаурядный ум.

– Сегодня американскую внешнюю политику во многом определяют военные промышленники и ряд картелей, торгующих на международной арене. Они делают там все, что хотят. Взять только одного мерзавца Трухильо, чтобы понять, как безрассудны сейчас наши действия за рубежом. Поверьте, если в правящей элите не будет наведен порядок, если она не будет подчиняться Белому дому, нас ждет достойное сожаления будущее и уж никак не империя. Это второй императив сегодняшнего дня. Необходимо в демократическом

хаосе навести порядок, подчинить дисциплине эгоистические порывы монополий, дисциплинировать газеты, привести в порядок моральное здоровье элиты. Создание по-настоящему консолидированного правящего класса, который в целях самосохранения научится приглушать внутренние противоречия, является насущной задачей.

– Блестящая идея! – саркастически воскликнул Эйзенхауэр. – Научите меня скорее, молодой человек, как остановить военно-промышленный комплекс, который уже скупил Конгресс и протаскивает через этот орган любые законы, какие ему только заблагорассудятся?

– Здесь нет никакого другого разговора, как разговор о компромиссе, – как бы не замечая сарказма, ответил Жабиньский. – Поиск взаимопонимания с военно-промышленным комплексом – одна из самых трудных задач. Но решать ее надо. Это по силам вашей администрации, потому что речь идет не о сокращении прибылей ВПК, а о плановом и организованном процессе управления его деятельностью. ВПК не надо бояться, его надо умело направлять. Если мы хотим, чтобы влияние американских ценностей распространилось по миру, нам неизбежно придется вести горячие войны с коммунистами в «третьем мире». А если так, то ВПК должен заранее знать, к чему ему надо готовиться, потому что войны в различных условиях потребуют и специфических вооружений. Если вы переведете его на долгосрочный план государственных заказов на вооружения, он станет ли-

зать вам руки. Вот на этой основе с ними можно вести разумный разговор. И надо раз и навсегда договориться о том, чтобы военные корпорации не занимались контрабандой оружия без санкции администрации, потому что таким образом они оснащают наших потенциальных врагов.

– Вы так уверенно говорите о грядущих войнах, Збигнев, как будто это уже решенное дело. А Америка, между прочим, еще не опомнилась от неудачи в Корее. Не думаю, что наше общество поддержит новые подобные приключения далеко за пределами континента.

– Мистер президент, я вынужден глядеть на мировую карту глазами историка и политолога. Войны сопровождают развитие человечества постоянно. И не было пока никаких признаков того, что этот процесс прекратится. Конечно, шокированная фашизмом Европа до поры до времени притихнет. Но остальные части мира продолжат драку все в том же духе. Если США в этой драке участия не примут, то они окажутся через какое-то время в красной осаде. Выбора у нас, в общем-то, нет. Конечно, приятнее вести войну чужими руками, только это не всегда получается. Поэтому, я думаю, что когда Вьетнаму и Камбодже станет совсем плохо, то на выручку поспешат американские Джи Ай. А кто же еще? Повторяю, второй императив политики – это осознание жесткой военной линии на внешней арене и приведение наших военных промышленников к осознанию ответственности в этих самых делах.

– Что ж, очень интересно. С такой откровенной прямоотой мне подобные идеи еще никто не излагал. А что же еще у вас в запасе?

– Есть еще одно немаловажное соображение, мистер президент. Оно касается «холодной войны» против Советов. На мой взгляд, эта война ведется крайне неуклюжими и примитивными методами. В пропагандистской кампании против красных, развернутой в эфире, не учитываются некоторые очень важные особенности советского общества.

– Какие именно?

– Видите ли, СССР является идеократическим государством, которое основано на общественном согласии по нескольким главным идеям. Какие это идеи? Вот они:

- идея справедливости,
- идея братства народов,
- идея всеобщего равенства,
- идея необходимости выстоять в противостоянии с Западом.

Другими словами, коммунистам удалось сплотить подавляющую часть общества. Они монолитны, и наша пропаганда извне ничего с ними не сделает. Единственный способ ослабить этот общественный строй – начать подрыв согласия изнутри. Необходима «пятая колонна» внутри советского общества.

– Не забывайте, мой друг, что это общество стерилизова-

но, очищено от внутренних врагов. Завести в нем «пятую колонну», видимо, не удастся.

– Я не могу с этим согласиться. Власть КПСС тоталитарна, негибка, жестока. У нее, без всякого сомнения, есть внутренние противники. Надо их выявлять и работать с ними адресно. Не жалеть на них денег. Вот и потечет этот ручеек, который когда-нибудь превратится в поток. Но без этой работы нам Советы не одолеть. Это и есть третий императив. На мой взгляд, следует переходить от конфронтации с Советами к более мягкой линии, одновременно размягчая их идейное ядро, потому что конфронтация только мобилизует противника.

Вот, пожалуй, главные императивы, которые, по моему мнению, следует учитывать в американской политике.

Глава 6. 1965 год. Подняться над миром

После встречи с Эйзенхауэром звезда Збигнева начала стремительно подниматься в зенит. Жизнь его загремела веселым Орлеанским диксилендом, его работы курсировали в политических кругах, его учебники стали изучаться в университетах, его взгляды – цитироваться в выступлениях конгрессменов. В США появилась политическая культура имени Жабиньского. Каждый уважающий себя янки считал за необходимость прочесть пару его наиболее популярных брошюр. Телевизионные компании не уставали приглашать его на свои передачи. В американском обществе началось осмысление себя как общества, призванного конкретными действиями взять на себя роль мирового лидера. Тем более что в работах Жабиньского справедливость этой задачи не подвергалась никаким сомнениям.

В период очередной президентской избирательной кампании Збигнев был приглашен советником в избирательный штаб Джона Кеннеди. Уровень его политических контактов и степень влияния достигли предела. К его слову прислушались все.

Он разрабатывал внешнеполитическую программу будущего президента и формировал в штабе солидарный подход к международным делам. Молодой политолог стал воспита-

телем могучих и тертых функционеров. Они учились у Жабиньского системному пониманию геополитики.

После того, как Кеннеди устранили, Жабиньский продолжил работать у его преемника Линдона Джонсона. Збигнев одобрял исчезновение Джона Кеннеди из земной жизни. Этот президент ничему не научился за два года своего правления. Он слыл «голубем», не понимал, как себя следует вести с военными промышленниками, и вообще окончательно запутался во внешней политике. Больше всего Збигнева раздражало то, что Кеннеди с большим трудом воспринимал его империяльные подходы и, казалось, всерьез задумывался над тем, чтобы найти компромиссы с коммунистическим миром. Несмотря на все требования Жабиньского, Кеннеди категорически отказывался втягиваться в ситуацию вокруг Вьетнама и лишь незадолго перед смертью позволил усилить там военное присутствие.

Однажды Збигнев поймал себя на том, что все его представления о человеческой истории утратили эмоциональную основу. Он думал о войнах, заговорах, геноциде так, как будто это происходило не на самом деле, а в какой-то придуманной сказке. Не было смертей, не было чудовищных страданий огромных масс людей. А был какой-то рисованный фильм, не вызывавший ничего, кроме научного любопытства. А события в этом фильме развивались драматически.

Могучая Франция безнадежно застряла в болотах Вьетнама, не в силах победить полудиких аборигенов. Вьетконг

оказывал небывало упорное сопротивление колониальным войскам. Сопротивление непонятное и необъяснимое. Хотя можно было объяснить это упорство поддержкой с Севера. Для кого-нибудь другого такого объяснения было бы достаточно. Но он, Жабиньский, знал, что дело здесь не только в поддержке Севера, которая, действительно, была немалой. Вьетнамцы дрались насмерть, жертвенно и отчаянно. Неужели ими руководила красная идея? А что же еще? Наверное, то же самое происходило и с русскими в войне против Гитлера. В чем секрет красной идеи? Почему эта тупая, античеловеческая ложь так привлекает человека?

Размышляя над этими вопросами, Збигнев все больше и больше склонялся к мнению, что не внешняя сторона какой-то доктрины привлекает людей. Нет! Все дело в человеческом эгоизме. Что дает коммунизм эгоисту? Равенство? Отнюдь нет. Он дает ему возможность без борьбы встать на одну планку с более сильными. Но и это не главное. Оставаясь эгоистом, человек тайно мечтает, заполучив неправомерно равные стартовые возможности, подняться над другими. В этом фокус коммунистической морали. А значит, она очень близка морали буржуазной, которая не прибегает ни к каким ухищрениям, а прямо говорит: лучшие куски – сильнейшим. Значит, обе эти идеологии – две сестры, происшедшие от одного отца – эгоизма. Но они находятся в смертельной схватке. Как сделать так, чтобы красная сестра поддавалась и проиграла? Может быть, надо взывать к сестринским

чувствам – мол, мы родня, похожи друг на друга, давай всем делиться. Построим постиндустриальное общество, сольемся в экстазе. Но эти мысли давно вынашивает Уолтер Ростоу, только никакого отклика на той стороне они не находят. Значит, военное столкновение, решительный бой? У Збигнева даже дух захватывало от фантастических картин третьей мировой войны. Вот это было бы действие! Действие, заслуживающее восхищения историка. Он всегда с особым тщанием изучал подробности минувших баталий. От них веяло дымом пожарищ, страданиями воюющих и гибнущих, атмосферой военного экстаза. Это возбуждало его как наркомана. Да, были побоища!

Что там Вьетнамская война в сравнении с ними. Ему несколько не жаль было мирных вьетнамцев, гибнущих под бомбами. В своих записках к президенту он требовал включения США в эту войну, потому что там, в Южном Вьетнаме, свободный мир проигрывал передовой колонне коммунизма. Эту колонну требовалось во что бы то ни стало остановить. Империя должна демонстрировать свою решительность и беспощадность. Империя не знает страданий побежденных. Она знает лишь силовые поля и постоянно раздвигает их в свою пользу. Если учитывать страдания людей, то не надо заниматься политикой.

Мы – инквизиторы, а красная идея – ересь. Не зря программа построения коммунизма так похожа на заповеди Евангелия. Это ересь от Евангелия! И здесь есть только один

путь – уничтожение ереси. На память ему приходил Великий Инквизитор Томазо де Торквемада. Только сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что он лично послал на костер более 10 тысяч человек, десятки тысяч сгнили в тюрьмах, умерли от бичевания или на галерах. Железный Великий Инквизитор не останавливался ни перед чем. Происходя из семьи евреев-выкрестов, он возглавил преследование еретиков, подавляющее большинство которых было евреями, и поддержал изгнание этого народа из Испании. Он возвел доносы в ранг благодетели, а пытки признал богоугодными. Все для того, чтобы католичество сохранилось в чистоте и выжило. Еретик оскорбляет Бога, а это куда большее преступление, чем кража или убийство. Если воров и убийц карают, то еретики заслуживают еще большего наказания. Чем же отличается наше время от Средневековья? Разве только тем, что ересь приобрела гигантские размеры, а новый Торквемада еще не явился.

Постепенно мечты о роли спасителя христианской цивилизации все больше и больше овладевали им. Конечно, нельзя открыто копировать Великого Инквизитора. Пусть это останется тайной стороной его души. Но идеологию преобразования мира без балласта устаревшей морали он создаст. В его голове имеется все необходимое, чтобы взять на себя роль теоретика и автора таких преобразований.

А почему бы и нет? Ведь ему только тридцать лет. Значит, в сорок он станет законодателем умов всей политиче-

ской Америки. Такой человек очень нужен. Эта демократическая карусель пока даже не поняла, что на нее легли исторические задачи, и она не имеет права от них уходить. Он, католик с железной волей, очень подходит на роль идеолога империи. Придет время – и это поймут все. Нет, он не станет так открыто проповедовать насилие, как это делал Торквемада. Западная цивилизация уже разработала чудесный словарь для общественности, с помощью которого можно в самых розовых тонах описать жесточайшие намерения. И технологии управления общественным рассудком уже вызревают.

Жабиньский давно понял, как податливы американские президенты на его выкладки. Не имеющие понятия о геополитике, они, как губка, впитывали то, что он вкладывал им в уши. Правда, Джон Кеннеди был доступен в меньшей степени, а его последователь Линдон Джонсон слушал его очень внимательно. Будучи его советником, Збигнев изо дня в день убеждал президента, что в Юго-Восточной Азии решается судьба мира. Захват Вьетконгом Южного Вьетнама предрешен, если не вмешаются Соединенные Штаты. Однако у Америки не было формальных оснований начинать боевые действия, и тогда с подачи Жабиньского Пентагон разработал операцию в Тонкинском заливе, которая стала предлогом для вступления США в войну против Ханоя. Операция прошла блестяще. Весь мир возмущался тем, что северные вьетнамцы вероломно напали на два американских эсмин-

ца, находившихся в нейтральных водах, неподалеку от побережья. Никто не знал, что нападение спровоцировали южновьетнамские спецназовцы, симулировавшие ночную атаку на северовьетнамские острова, неподалеку от района патрулирования кораблей.

США подтянули в залив несколько авианосцев и начали бомбардировки Северного Вьетнама. Разворачивалась полномасштабная война. Збигнев ликовал. Америка засучила рукава и наконец-то взялась за наведение порядка в мире.

Иногда Жабиньскому казалось, что он поднимается над землей на невидимых крыльях. Далеко внизу полыхают войны, извергаются вулканы, свершаются революции, гибнут, страдают и ликут массы людей, а он смотрит на это холодным взглядом, и ничто не волнует его сердце. Он – мудрый режиссер и властитель этого земного театра. Его удел – не ввергать себя в земные страсти, быть выше их.

Что-то подобное стало свершаться и в его частной жизни. В цветущем мужском возрасте Жабиньский почувствовал охлаждение к своей жене и женщинам вообще. Ему становились безразличны и отцовские обязанности. Невидимая магия всемогущей империи уже овладевала его сознанием, отстраняя все мелкое и земное. Збигнева мало волновало то, как жена реагирует на его равнодушие. Соня была католичкой, ее родители приняли католичество еще в Праге. Следовательно, в ее верности не могло быть никаких сомнений. Католичка остается верной мужу в любых ситуациях. Если

ее одолеют желания, она честно предложит развод. И однажды наступил момент, когда Соня действительно предложила ему развестись. Она уже больше года не ощущала мужского тепла, и не было никаких надежд, что оно появится. Збигнев очень сильно изменился.

Развод так развод. Жабиньский воспринял это даже с облегчением. Будет меньше забот, появится больше времени для работы. Они расторгли брак, и Збигнев снял в Вашингтоне небольшую квартиру, оставив дом семье.

Он продолжал работать директором института и советником президента и чувствовал себя превосходно.

Первые мысли о внутреннем неблагополучии стали приходить к нему месяца через три после развода. Сначала он старался не замечать их, но потом все же допустил в сознание.

«Почему она развелась со мной? Неужели отсутствие половой жизни было только предлогом, а на самом деле у нее появился любовник? Неужели предала? Чувство ревности неприятно обожгло душу Жабиньскому.

«Поздно уже горевать, какая теперь разница, развелись ведь уже», – говорил ему внутренний голос.

«Есть разница, – яростно отвечал ему Збигнев, – есть, и еще какая. Меня предали или нет? Я унижен или нет? Я человек или доведенная до скотского состояния особь мужского пола?»

Жабиньский не умел играть с женщинами в их сложные

игры. Потому однажды вечером он явился в свой бывший дом и прямо спросил Соню:

– Ты развелась со мной из-за любовника?

Соня обескураженно взглянула на него, затем опустила глаза и, помолчав, заговорила:

– Я слишком любила тебя Збышек, чтобы играть роль дешевой шлюхи. На измены в хороших семьях способны только женщины с ничтожной душой. Поверь, у меня и в голове такого не было. Хотя плотская любовь мне требуется, ведь мне всего тридцать лет. Но я не из-за этого решила с тобой расстаться. Не хотела говорить из-за чего. Но коли пришел – скажу. Забудь про любовников. У меня их не было и нет. Здесь я полагаюсь на Господа. Если мне суждено второй раз выйти замуж – значит, это случится само собой. Вот о чем подумай. Сначала я была уверена, что у тебя наступает какая-то мужская слабость. Это бывает по всяким причинам. Может быть, утомление, нервы, а может быть – органическая болезнь. Но все это поддается исправлению. Во всяком случае, надо было разбираться. Но ведь наряду с телесным равнодушием ты заледенел душой. Я хотела как-то объяснить с тобой, но ты резко изменился, стал недоступен. Тогда я решила попытаться жить с тобой отдельной жизнью. Мы существовали в одном доме, и я стала наблюдать за тобой. Я увидела, что ты постоянно в себе, что ты занят какими-то злыми размышлениями. Ты перестал молиться, Збышек. Веришь ли ты теперь? Мне кажется, уже нет.

Наблюдения эти и привели к мысли о разводе, потому что я просто испугалась. Из тебя начало сочиться какое-то холодное пламя. Пламя жестокости, равнодушия, нелюбви. Знаешь, раньше у тебя был только профиль ястреба, а теперь к нему добавился и ястребиный взгляд. Беспощадный и бесчувственный. Ты ведь очень сильный, очень талантливый. Представляешь, что получается, если такой темперамент и ум становятся воплощением зла? Я боюсь тебя, Збышек, и прошу тебя больше ко мне не приходите.

Жабиньский ушел от нее пораженный и просветленный. Соня увидела в нем то, чего он сам никак не мог понять. Конечно же! Как там сказал Герберт Уэллс: действовать в категориях зла. Да, жестокость и равнодушие поднимают его над миром, и люди начинают бояться его. Первой это увидела жена. Черт с ней. Это только начало. Он точно знает, что Провидение избрало его на роль главного стратега истинно справедливой и могучей американской империи. Повторим еще раз: действовать в категориях зла. Всегда основой геополитики англосаксов была агрессия. Хватит валять дурака и прятать эту правду от мира. А христианские заповеди... Верно, он давно перестал молиться. Значит, пришло время освободиться от иллюзий.

Глава 7. 1968 год.

Явочная квартира ЦРУ в Вашингтоне

Стенли Полански задумчиво смотрел на Голубина, развалившегося перед ним в кресле и потягивавшего виски. Он знал этого человека уже десять лет, но до сих пор не мог постичь всех темных закоулков его души. «Лис» был блестящим агентом, но в ЦРУ давно поняли, что он постоянно лжет. Нет, не как двурушник, конечно. Ни КГБ, ни другая спецслужба о его сотрудничестве с американцами не знали. Но считать его искренним в сотрудничестве с Агентством тоже было невозможно.

Стенли вспоминал тот день, когда впервые увидел фотографию Голубина. Ему с первого взгляда не понравилась отвратительная улыбочка этого русского, будто приклеенная к бесформенным губам. С возрастом этот дефект стал еще явственнее. Голубин был весьма неприятен внешне, а к тому еще добавлялась его arrogantная и едкая манера общения. «Умный ты парень, Олег. Умный, дерзкий. Но какая же ты нечисть. Тебе только рога приставить – и вылитый Сатана получится», – глядя на него, думал Полански. Но что делать, профессия разведчика предполагает общение с самым разнообразным человеческим материалом, независимо от того, нравится он или нет.

На сей раз между ними происходил весьма нелегкий раз-

говор. Полански надоело выслушивать от агента бесконечные требования денег за, в общем-то, малоценные вещи. «Лис» регулярно сдавал новых сотрудников ПГУ, прибывавших в Вашингтон, таскал на встречи копии политических телеграмм, иногда по случаю выдавал источников других линий резидентуры, но о главном – о ценных советских агентах – молчал как могила. ЦРУ уже миновало период прямых подозрений в двойной игре и поняло, в чем дело: Голубин опасался за себя. Американский принцип неминувности наказания диктует необходимость пресечения деятельности вражеского агента сразу после его выявления, если он приносит непосредственный ущерб интересам Соединенных Штатов. Время разработки в таких случаях является минимальным. Здесь невозможна оперативная игра, которая длится иногда годами. Если «крот» приносит ущерб интересам США, то он моментально нейтрализуется. А это означает, что КГБ начнет расследование причин провала. При этом всегда возрастает опасность расшифровки предателя.

ФБР сообщало, что Голубин с кем-то активно встречается в городе. Он выходит на проверочные маршруты, подолгу и старательно проверяется. Обнаружив слежку, возвращается на базу, а значит, не хочет, чтобы американцы знали о его источнике. Судя по тому, как обставляются его выезды, источник этот чрезвычайно серьезен, и имеется настоятельная необходимость в его выявлении. Однако Голубин упорно уходил от прямых вопросов и врал напрапалую о каких-то

тайниковых операциях, которые уже который раз не получились, потому что «на той стороне что-то не заладилось».

Стенли по глазам видел, что Олег просто издевается над ним, и впадал в бешенство.

– Ты понимаешь, что мельчаешь в наших глазах? Мы выплатили тебе чуть не полмиллиона долларов. За что? За то, что ты впарил нашу дезу своим ракетчикам? Ну и каковы результаты? Они побарахтались пару лет в этом дерьме, а потом разработали свой порох, превосходящий наш по всем параметрам. Эти ваши мобильные моноблоки, которые скоро пойдут в серию – настоящий кошмар для ослов из Пентагона. Так за что я плачу тебе баксы?

– Если бы не обещание Ричарда Хелмса продалить секретное постановление Конгресса о введении меня в американское подданство, я бы, пожалуй, плюнул на всю эту вашу кухню, Стенли. Вы похожи на шакалов, которым всегда всего мало. Кстати, я еще старика Кейбла просил не ставить тебя на связь в качестве ведущего офицера. Но тот не послушал – и я теперь вынужден иметь дело с вонючим полячишкой, который дальше своего носа ничего не хочет видеть. Ты почитай мой файл, когда вернешься в кабинет. Может быть, твоим куриным мозгам станет ясно, за что мне платят деньги. И спроси себя, много ли у вас агентов, которым пробивают через Конгресс американское гражданство. Ты мне надоел, Стенли, повторяю тебе это в сотый раз. И вот еще что. Пусть дядя Сэм потерпит немножко, покуда я не выдал ему

нашу крупную агентуру, потому что время еще не пришло. И не пытайтесь ее выявить без моего позволения. Да, у нас есть пара интересных источников. Но придет срок, и они получат свое от вашей долбаной Фемиды. Только, надеюсь, к этому времени я буду в безопасности.

Голубин действительно верил, что переигрывает ЦРУ в схватке за собственную безопасность, как и задумал с самого начала. Два года назад ему передали на связь очень серьезного агента, поставившего для ПГУ чемоданами стратегическую информацию. Выдать его – означало бы дать повод для очень громкого скандала в межгосударственных отношениях и одновременно поставить себя под серьезнейшие подозрения со стороны коллег. Поэтому Голубин и не думал о выдаче источника, приберегая его, как яичко к пасхальному дню. Это давалось нелегко, потому что цэрэушники обрушили на него жесточайший прессинг. Однако «Лис» не поддавался, заявив, что если почувствует на себе воздействие психотропных веществ, то прервет сотрудничество. Поэтому американцы не решались применить к нему специальные препараты.

Голубин наслаждался, наблюдая за тем, как Стенли психует. Он давно уже осознал, что его стихия – это лужа адrenalина, нахлебавшись из которой, ощущаешь, как по тебе идет электрический ток. Какая разница, отчего это случается. От того, что ты подписал кому-то путевку на электрический стул, вывел из равновесия кретина, вроде Полан-

ски, или кинул в постель какую-нибудь случайную красотку. Главное – получить кайф.

Голубин хорошо помнил, как впервые в нем появилось ощущение торжества от насилия, и это во многом определило его дальнейшее отношение к миру.

Ему было восемь лет, он гулял в своем дворике солнечным летним днем. Из соседнего двора с криками закатилась группа его сверстников, гнавшая перед собой раненого воробья. Мальчишки подбили ему из рогатки крылышко, и птичка не могла летать. Она кувыркалась по щебенке, передвигаясь зигзагами, в отчаянии ища убежища от нависших над ней страшных и орущих людей. Кто-то из них пнул воробья ногой, и тот перевернулся на спинку, раскинув крылья и в ужасе пища.

– А ну, вдарь ему, вдарь, – подбадривали друг друга сопляки, но настолько беззащитен и жалок был вид пичуги, что никто из них не решался поднять на нее руку. Олег растолкал мальчишек, взял у одного из них рогатку, зарядил ее куском щебня, натянул изо всех сил, поднес поближе к птице и выстрелил. Камень с чмоканьем ударил в крохотное тельце, сломав в нем грудные кости. Воробей трепыхнулся, раскрыл клюв, из которого выкатилась капля крови, глаза его затянулись белой пеленой век. Мальчишки затихли, кого-то из них стошнило. А Олег бросил рогатку на землю, повернулся и пошел прочь. Его распирало счастливое ощущение всемогущества. Ощущение распорядителя чужой жизни.

Много лет спустя, став предателем и выдавая агентуру ПГУ, он всякий раз с удовольствием думал о том, что в очередной раз свершил чью-то судьбу по собственному усмотрению. Его внутренний голос, или, может быть, чей-то чужой голос, живший у него внутри, говорил всякий раз низким и приятным баритоном: «Молодец, Олежа! Так их, эту погань, этих чистеньких уродов! Молодчина!» Это была неподражаемая музыка обожания себя, любимого. Голос напевал ему самую главную в его жизни мысль: он выше всех этих уродов.

Когда Голубину приходило в голову, что однажды придется сматывать удочки из Союза и превращаться в скучного американского пенсионера, ему становилось тошно. Жизнь без адреналина была неинтересна. Единственное, что еще оставалось за пределами профессии из этой статьи, – это девочки. Они волновали его, заставляли чувствовать себя молодым и агрессивным. «Девочки, девочки. Как хорошо, что вы не кончаетесь. Как хорошо, что вы не за морду любите, а за дышло. Если бы не дышло, я с моей мордой недалеко бы ускакал...»

– И вот что, Стенли. Не вздумай сокращать мне ежемесячное содержание. Как ты можешь догадываться, в биографии каждого источника бывают спады и подъемы. И это не значит, что его за это следует хлестать долларом по ягодицам. Подожди немного, я принесу тебе в зубах агента наших технарей. Они присосались к вашему аэрокосмическому агент-

ству и таскают оттуда кучи материалов. О'кей?

– О'кей, Олег.

– Ну вот, будь умницей, а я пошел. Меня ждет советский резидент в его вашингтонском логове.

Глава 8.

Америка превыше всего

Наконец-то он ухватил главную нить. И что же? Нет ничего нового, что уже не случилось в истории. Эврика! Конечно, тайные общества. Конечно, конечно. Демократическое поле и задумано как сцена для заговорщиков. Оно так родилось на свет. Вспомни, Збигнев, вспомни, дурашка, кто управлял подготовкой Парижской коммуны. Французские масоны, спрятавшиеся за фасад многочисленных общественных клубов. А какой эффективной была их организация! В нужный момент они смогли направить волю масс на физическую расправу с королевской знатью. Вот! Искусство управления обществом только притворяется развивающимся. Ни черта оно не развивается. Общество всегда будет управляться по одним и тем же законам. По тем самым, по которым яблоко падает не вверх, а вниз, и хочется писать после пинты пива, а не до нее. В обществе всегда будет существовать организационный центр, состоящий из наиболее влиятельных, а значит, богатых людей, и стада баранов, рыщущих в поисках свежей травки. Пора взглянуть на эти вещи открыто и перестать играть в демократический балаган, называющийся американской системой. То есть, балаган этот на потеху публики, конечно, продолжать надо. Но также очевидно, что основным игрокам надо договариваться о разделе

лении власти за пределами выборной системы. Это и будет гарантировать стабильность в обществе, и усиливать роль Америки в мире. Масонство? Да назовите как угодно. Главное – это самый эффективный способ управления американской державой, а в будущем – и американской империей. Почему? Потому что нет ничего страшнее для имперской политики, чем два противоборствующих лагеря на самом вершине власти. Это младенческое состояние государства, которое оно должно преодолевать по мере наращивания своих мускулов. Руководить США должна элита, а не демос.

Ситуацию подогрел в 1971 году невообразимый скандал, разгоревшийся вокруг причин Вьетнамской войны. Какой-то малоизвестный подонок из Пентагона по имени Даниэль Эллсберг стибрил секретные материалы по всему периоду подготовки операции, включая провокацию в Тонкинском заливе, и передал ее в «Нью-Йорк Таймс». После долгих колебаний эта газета начала публикации, произведшие эффект разорвавшейся бомбы. Оказалось, что вся эта военная операция замышлялась в Пентагоне и Белом доме задолго до инцидента в заливе и была наглядным образчиком спланированной агрессии, в результате которой сложили головы десятки тысяч молодых американцев. Либеральная пресса, интеллигенция, студенческая молодежь, интеллектуалы развернули небывалое улюлюкание в адрес администрации и вообще всей американской системы ценностей, которая в их глазах оказалась подложной. Началось бурное

брожение, способное произвести на свет новую либеральную политическую элиту, далекую от имперских целей.

Збигнев с обеспокоенностью следил за происходящим и вскоре понял, что необходимо срочно действовать. Он вступил в контакт с председателем Торговой Палаты США Льюисом Пауэллом, одним из наиболее влиятельных людей в деловом мире страны.

Вскоре увидела свет и получила широкое хождение подписанная Пауэллом, но составленная Збигневым памятная записка по текущему положению. В записке говорилось, что для Америки настал решительный час противостояния реальной опасности самого ее существования. Основа основ американского образа жизни – свобода – подвергается оголтелым наскокам со стороны либералов, коммунистов, левых профессоров и других революционеров всех мастей. Их главная цель – разрушить существующий порядок. За этой опасностью стоят интеллектуалы, профессора университетов, студенты, газетчики, люди искусства и даже некоторые бизнесмены и политики.

Эта записка, словно сошедшая с ума флейточка, втерлась в дружный хор либералов и стала вызывать в нем дисгармонию. О чем вы там блеете? Неужели Вы не понимаете главных целей истории? Нужно совсем другое объединение общества. Не вокруг ваших дурацких ценностей, а вокруг идеи власти над миром.

В записке прямо говорилось о необходимости установле-

ния контроля над общественным мнением со стороны деловых кругов и распространения их контроля на все сферы общественной жизни. Деловой мир призывался к преодолению угрозы со стороны левых. В этих целях предлагалось использовать новейшие технологии по управлению обществом. Основать широкую сеть организаций, направить их работу на плановую основу и не жалеть денег на их финансирование. Используя политическую власть, объединить усилия всех консервативных сил в стране и подчинить их единой задаче. Предлагалось разработать идеологическую программу с привлечением ученых, и на ее основе массированно выпускать литературу, газеты, листовки, подчиняя эту работу долгосрочному плану. Главный упор сделать на промывание мозгов студенчеству как наиболее агрессивной либеральной силе. Выдвигалось требование установить постоянный контроль над телевизионными программами и периодикой. Отдельно выдвигалось требование подчинить контролю систему правосудия, с тем, чтобы она была беспощадной к красной заразе.

Это было открытое объявление войны либералам, которые распоясались на волне критики Вьетнамской войны.

Правящие круги страны с восторгом приняли инициативу Пауэлла, увидев в ней реальную возможность потушить разгоравшуюся либеральную революцию. Были созданы тайные и явные программы «американизации Америки», стали поступать гигантские пожертвования – и машина, обильно

смазанная долларами, ходко закрутилась во второй раз после Второй мировой войны. Только в отличие от времен маккартизма, вместо «охоты на ведьм» на сей раз населению всеми средствами промывали мозги, и это довольно быстро стало приносить плоды. Уже к приходу в Белый дом Джимми Картера Збигнев успокоился. Дело шло хорошо, и рядовой американец с убежденностью пятилетнего дебила полагал, что на свете не существует ничего лучшего, чем он сам и Соединенные Штаты Америки.

Однако имперские планы не могли ограничиваться территорией США. Сформировавшаяся в сплоченный масонский улей американская элита испытывала потребность в единомышленниках за рубежом, в первую очередь в Западной Европе, и Збигнев вплотную занялся этой проблемой.

Ситуация способствовала продвижению его планов. Он познакомился с Джимми Картером – арахисовым фермером и протестантом с блаженным взглядом на мир. Миротворец и прекраснодушный провинциал, Джимми был открыт для речей Жабиньского. Он подпадал под их темпераментное изложение и полностью с ними соглашался. Наконец Збигнев достиг того, чего хотел. С согласия Джимми, он начал подготовку к созданию международного масонского общества, которое было названо Трехсторонней комиссией. Она включала в себя американских, японских и западноевропейских лидеров для решения экономических проблем. Что за комиссия, почему? Мало, что ли, других комиссий? Ответа

Збигнев давать не хотел. Чем больше объясняешь – тем больше подозревают. Комиссия простая – по решению судеб мира. Чего здесь непонятного? Если же кто не понимает – пусть смотрит футбол и пьет пиво.

Но работа комиссии не задалась. Эти социалисты в Западной Европе слишком сильно раскатали свою идеологию по обществу после Второй мировой войны. Там нашлись политики, которые поверили, что демократический процесс как бы даже идеален. Попытки уйти в келейность в рамках Трехсторонней комиссии натолкнулись на сопротивление западных немцев. Молодая немецкая демократия явно какала в пеленки, не понимая, что подрубает ветку, которая в дальнейшем могла бы превратиться в удобный сук, на котором можно комфортабельно сидеть.

Жабиньский понял, что с европейцами каши не сваришь. Они уже никогда не придут в себя после нашествия Гитлера и оглядываются на каждый чих. Европа не поможет Америке в империальном освоении планеты. Она лжива, труслива и недалеко в понимании исторических перспектив. США остаются одни в своем историческом вызове. Разве что Великобритания будет с ней до конца. Англичане – наглые и коварные псы – станут хорошим подспорьем в предстоящей работе. Конечно, пусть продолжает свое существование Атлантический альянс, пусть льются бесконечные речи о единстве НАТО, но американская элита должна хорошо усвоить, что она одна-единственная на белом свете, кому предстоит взять

на себя суровую ответственность за судьбы белой цивилизации.

Глава 9. 1972 год.

Прорыв

«Волчонок, настоящий волчонок», – думал начальник нелегального управления ПГУ Вадим Кирсаченко, глядя на полковника Голубина, который в составе руководства своего управления отчитывался на Директорате по делам внешней контрразведки. Кирсаченко был одним из самых опытных и удачливых советских разведчиков. Он обладал способностью быстро проникать во внутреннюю суть людей, порой с первого взгляда понять мотивы человеческих поступков.

Голубина он немного знал по прежним делам и симпатии к нему не испытывал. Когда настала очередь этого молодого работника зачитать краткую справку о состоянии дел на курируемом участке, и тот произнес первую фразу, беспокойное и неприятное чувство появилось в душе генерала. Он вслушивался в сипловатый и одновременно резкий голос Голубина, ловил мельчайшие нюансы интонаций, смотрел на его позу, на почти не двигающийся по бумаге взгляд – и понимал, что этого человека не покидает внутреннее напряжение. Напряжение волчонка, попавшего во вражеский стан. Всегда пренебрежительный перекосящий его рта сейчас был усилен нервным спазмом, полуприкрытые глаза поблескивали внутренней злой силой.

«И что это он запросился во внешнюю контрразведку,

ведь всегда работал в политическом отделе? Или смекнул, что в этом новом деле можно быстрее вырасти? Но ведь он же ни черта не знает про эту работу. Почему его Крючков послушал? Из-за этой его легендарной вербовки? Но она к нему как подарок с неба упала. Другой работник сотни контактов переберет, прежде чем подобного человека отыщет. А этот не успел приехать – бах – прямо на тротуар перед ним упал с неба секретноноситель. Давно ли мы в чудеса научились верить? Или Владимиру Александровичу так невтерпеж было рапортовать, что он и проверки порядочной „Шейлока“ не затребовал? Мол, чего проверять, если тот сверхсекретную информацию дает».

Кирсаченко был в курсе разработки «Шейлока» в силу того, что в одно время руководство ПГУ изучало возможность передачи этого агента на связь нелегалу. Тогда он подробно ознакомился с его делом и категорически отказался рисковать своим человеком. Разработка «Шейлока» Голубиным была настолько похожа на рождественскую сказку, что весь жизненный и оперативный опыт Кирсаченко запротестовал против ее достоверности. Преуспевающий и удачливый американский ученый, по счастливой случайности завязавший знакомство с советским стажером на выставке, оказался тайным коммунистом и таким пылким сторонником СССР, что ему ничего не стоило вступить на путь сотрудничества, хотя в Америке еще всюю свирепствовал маккартизм и это дело грозило электрическим стулом.

В тот период Кирсаченко принимал Голубина во время его приезда в отпуск, чтобы послушать личные впечатления сотрудника. Состоявшийся разговор еще больше укрепил подозрения, и он доложил о них бывшему начальнику ПГУ Сахаровскому. Однако его мнение осталось без внимания. «Шейлок» уже поставлял ценную информацию, и оборонка не имела к ней никаких претензий.

Теперь, два года спустя, послушав выступление Голубина, Кирсаченко решил поговорить с Крючковым, который всегда внимательно прислушивался к его мнению. Разговор состоялся в тот же день, когда они прогуливались после обеда по лесопарковой зоне ПГУ.

Крючков внимательно выслушал Кирсаченко и потом с неожиданным раздражением сказал:

– Вот попробуй осознать, Вадим Алексеевич, что мы с тобой делаем. Приехал из Штатов молодой, удачливый работник, как никто другой заслуживший выдвижения. Информация его агента по ракетному топливу идет «на ура». Таких источников у нас единицы. Помимо этого, он хорошо отработал с ценным агентом, которого ему передали на связь. Профессионально отработал. За это и повышен. Да, он не очень симпатичен, этот Голубин, согласен с тобой. Мне он тоже не нравится. Правильно ты говоришь: волчонок. Но разве он виноват, что физиономия у него тянет на отрицательного киногероя? И из-за этого мы с тобой будем тормозить его служебный рост? Да ты в своем уме? А какие

у тебя еще против него доводы? Никаких! Так вот, больше разговора этого не заводи. Будут аргументы – добро пожаловать, приходи, поговорим. А как сегодня – не думай даже...

Крючков кривил душой. Он сам подозревал, что не все так просто с этим работником. И не все данные «Шейлока» шли «на ура». Зачастую от ученых поступали уточняющие вопросы, а иногда и недоумевающие оценки. Однако в целом они охотно брали документацию и, как было известно начальнику ПГУ, использовали ее в своих разработках. Крючков почти ежемесячно докладывал Андропову о реализации секретных сведений от «Шейлока» и последовал предложению Юрия Владимировича «выдвигать таких, как Голубин», несмотря на его «зеленый возраст». Все это привело к тому, что он сам оказался в зависимости от дела «Шейлока». Поэтому начальник ПГУ занял объективистскую позицию, хотя знал, что в разведке интуиция очень часто идет впереди информации. Единственное, что он сделал, – это не стал сразу назначать Голубина на еще более высокий пост, хотя такая возможность была. Надо было посмотреть на него в условиях Центра.

Голубин же, в свою очередь, очень хорошо почувствовал недоверие и даже подозрительность со стороны своих коллег. Он возглавил подразделение, в котором многие работники в отцы ему годились и хорошо знали цену оперативному результату. Им не нравилось, что звезда Голубина зажглась так неожиданно и высоко, без приложения им серьез-

ных усилий, и они умели дать понять это своему руководителю. Это бесило Олега, но он знал, что вступать в конфликт с коллективом нельзя. В ПГУ это конец. Здесь работают люди с независимым и сильным характером, способные на поступок. Поэтому он старался вести себя по-дружески и любезно, однако не со всеми это получалось. Молодой начальник особым расположением подчиненного ему коллектива не пользовался, и дела его шли ни шатко, ни валко.

На период пребывания в Союзе Голубин сотрудничество с ЦРУ прекратил, так как знал, насколько плотный контроль Второй Главк осуществляет за американской резидентурой в Москве. Уже имела место пара случаев, когда американцы проваливали свою агентуру, завербованную за рубежом, переводя ее на связь в столицу СССР. Поэтому Голубин согласился на встречи только во время выезда в командировки за рубеж, а в Москве жил относительно спокойно. По его убеждению, в ЦРУ о нем знал минимум людей, а угрызения совести ему не были знакомы. Если он и предположил бы какие-то моральные переживания, то разве что по отношению к своим родителям, которые, конечно, не одобрили бы его сотрудничества с американцами. Он даже представить себе не мог, что случилось бы с отцом, узнай он такое. Старый, закаленный сталинец, наверное, тихо умер бы от разрыва сердца.

А все остальное его мало трогало. Высокие слова о Родине и долге всегда были ему смешны. Голубин вырос одиноч-

кой, потому что родители не пускали сына гулять в темный и блатной мир питерских подворотен, а с одноклассниками дружбы не получилось в силу его независимого характера. Он всегда был на виду, всегда хорошо и легко учился, всегда презирал слабаков. Олег искренне считал, что все люди готовы бороться за себя, как за самую большую земную ценность. Подмечая признаки непоследовательности или двоедушия своих комсомольских начальников, он делал выводы, что все они притворяются и живут двумя жизнями: на виду играют одну роль, а внутри существуют совсем по другим правилам. Ему это было понятно, потому что он всегда шел таким же путем и к моменту поступления в КГБ сформировался во вполне законченного скрытого негодяя, не знающего ничего, кроме собственных интересов.

Когда пришел момент пересечения с ЦРУ, Голубин решил, что настал час удачи. У него не было никаких сомнений в том, что с ЦРУ надо сотрудничать. Это принесет жизненный успех, какого не знал никто из его ровесников. Ну, а опасности он не боялся. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. У Голубина при вступлении во взаимодействие с американцами была только одна забота – продать себя как можно дороже. И это у него получилось.

Однако с возвращением в Москву амбициозные планы Олега слегка поблекли. В его представлении все сущее подчинялось единым законам. Всегда будет робкая и беспомощная добродетель, и всегда будет властный и беззастенчивый

грех. Поэтому, закончив свою вторую заграничную командировку, полковник Голубин полагал, что его удачная оперативная работа откроет перед ним ворота к служебному росту. Основания для этого у него были. Ведь пока он находился в Вашингтоне, с повышениями задержки не было. Его агент блистал, как звезда на небосклоне, и держал рейтинг всей резидентуры на высоком уровне.

Однако обстановка в Центре была скорее ближе к той, какую когда-то описывал Кейбл. Ему отвели должность начальника отдела и засадили за текучку. Заслуги заслугами, а работа работой. С первых недель своего пребывания в Центре Олег понял, что это тупиковый вариант. Он может просидеть здесь долгие годы и вырасти, возможно, еще на одну ступеньку. Надо было что-то предпринимать. Неутомимая энергия Голубина и его желание вырваться наверх заставляли его постоянно искать новые варианты. Наконец такой вариант представился в виде секретарши Тамары, которая работала в приемной заместителя Крючкова – Мишина. Так уж повелось: секретарши, давно работающие со своим начальником, умеют исподволь оказывать на него влияние и могут сказать свое веское слово. Тамаре стукнуло сорок лет, она была не замужем и уже пятнадцать лет служила в разведке, пройдя сложную школу бюрократических игр административно-технического состава.

Собственно говоря, сначала она просто понравилась сексуально неутомимому Голубину, и только после первых но-

человек у нее на квартире он сообразил, что может использовать эту женщину как инструмент в своих планах. В то же время он видел, что Тамара не так проста в обращении. Пройдя нелегкий путь одиночества и приняв в своей постели немало партнеров, она не была склонна к романтизму или безвольному следованию капризам очередного ухажера. Олег для нее служил «лекарством от головной боли». Было видно, что пик своего женского подъема Тамара уже миновала и сейчас просто добирала то, что предлагала ей судьба.

Голубин, привыкший к быстрым и славным победам над женщинами, был озадачен довольно прохладным отношением любовницы к собственному появлению в ее жизни. Обычно такие появления сопровождались легким женским сумасшествием, влюбленностью и драматическими истериками в финальной части. Здесь же ничего подобного не было. Он решил во что бы то ни стало вывести Тамару из равновесия и подчинить ее своей воле.

Однако наработанные и верные приемы не давали результата. Ни букеты цветов, купленные за большие деньги на Центральном рынке, ни страстные слова о любви, звучащие в самые ответственные моменты их близости, не могли зажечь в Тамаре настоящего огня. Она была довольна его приходами, улыбалась, благодарила, ждала новых свиданий, но при этом ощущение невидимой преграды между ними не исчезало. Тамара не хотела пускать его в свой мир.

Голубин решил, что секретарша оставила позади период

женского любовного романтизма, и единственное, что может ее сейчас увлечь, – это разврат. Но как развратить вышколенную и идейно стойкую советскую работницу, начавшую уже спуск по склону лет? Сложная и ответственная это работа. Начинать надо было весьма осторожно. Он задумался над тем, что может быть интересно одинокой и сексуально активной женщине, уже закрывшейся в своей маленькой капсуле? Перебирая в памяти все подходящие эпизоды, Голубин вспомнил, что женщины такого типа склонны подсматривать за интимной жизнью других людей. Это их возбуждает, выводит из собственного одиночества. Во время очередной командировки в Западную Европу, Олег посетил магазин порнопродукции и после долгого отбора купил фильм «Вдова, которая подглядывает». Весь сюжет фильма заключался в том, что хозяйка маленькой гостиницы по очереди подсматривает через смотровые глазки в номера, где предаются самым экзотическим формам любви ее постояльцы. Это доводит ее до высшей степени возбуждения, в результате чего она заманивает одного из наиболее симпатичных постояльцев к себе в спальню, где делает с ним все, что хочет.

Вернувшись из командировки, Голубин притащил Тамаре любительский кинопроектор, научил заряжать фильм и под удобным предлогом исчез, пообещав вскоре объявиться.

Он не очень удивился, когда в его следующий приход Тамара предложила посмотреть ролик перед тем, как лечь в постель. Стало ясно, что она крутила его уже много раз. В ту

пору о порнографии в СССР знали только понаслышке, и как любой запретный плод она вызывала повышенно острую реакцию. В эту же ночь Тамара предложила поставить у изножья кровати зеркало и посмотреть, «как это выглядит у них самих». Дальше дело пошло легче. В ней загорелась жажда плоти, не связанная с душевной работой, но требующая максимального удовлетворения. Вскоре Голубин познал с ней все, что можно познать с женщиной, а она все наращивала свою ненасытность. Тамаре нравилось делать это в самых неожиданных местах. Она могла остановить лифт между этажами, расстегнуть ему брюки и устроить «маленького француза», могла заставить его заняться с ней любовью, стоя на лестничной площадке, рискуя быть застигнутыми врасплох. Потом наступила пора полного откровения, и она стала говорить с ним нецензурно, цинично называя вещи своими именами. Голубин понял, что в душе ее поселился порок и с ней можно вести себя соответственно.

Однажды ночью, когда она, обессиленная, лежала в постели, Голубин сел рядом и стал говорить так, как, по его предположению, она хотела бы слышать.

– Между нами редкое дело, киса. Ты такого никогда не испытывала, да и я тоже. Не знаю как ты, а я этой связи рвать не хочу. Точнее, хочу, чтоб ты была всегда. Сама знаешь, в нашей системе не распрыгаешься. Семью нам не создать. Сгорим оба к чертовой маме. Но семья семьей, а любовь любовью, правда? Ты хочешь это продолжать?

– Хочу, Олеженька. Хочу.

Он видел, как Тамару изогнула сладкая истома и внутренне ухмыльнулся. Клиент был явно готов. Можно приступать к инструктажу.

Вскоре Тамара начала обрабатывать Мишина в пользу Олега. Старый чекист Мишин, никогда и в мыслях не допуская возможности интимной близости с секретаршей, тем не менее охотно с ней любезничал, ненароком бросая взгляд на зрелые формы и млея от ее обворожительного голоса. Тамара же загорелась новой, амбициозной целью. Кончилось ее прозябание, появилась ясная и приятная задача – продвигать вверх своего любовника, этого ненасытного зверя, этого наглого и неотразимого самца, который доставал до печенок. Нет ничего приятнее такой сверхзадачи. В ней забил источник жизни, заработали изобретательность и предприимчивость. Дело пошло.

Голубин в полной мере использовал помощь любовницы. В общении с начальством он превратился в самую любезность и угодливость. От обычного карьериста его отличало лишь то, что каждый свой разговор с руководителем он тщательно продумывал, иногда отбрасывая версию за версией. Неудивительно, что этот улыбчивый и понятливый молодой работник стал все больше и больше завоевывать сердца своих руководителей, чему в полной мере способствовала Тамара.

Через полгода Мишин вызвал к себе начальника управления внешней контрразведки и в безапелляционном тоне дал

указание написать на Голубина представление к повышению в должности.

Еще через неделю начальник ПГУ получил на подпись рапорт о повышении Голубина. Он долго сидел над документом, несколько раз открывал и закрывал папку, вспоминая все, что было связано с этим офицером. Однако громче всего в его ушах звучал голос Андропова, который недавно в очередной раз поинтересовался, как идут дела у Голубина. Председатель явно благоволил этому работнику. Отказ в повышении может быть не понят...

Крючков еще раз пробежался по рапорту и коротко черкнул свою фамилию. Потом тихо выругался и раздраженно бросил ручку на стол.

Начался прорыв наверх.

Глава 10. 1972 год.

Бои без правил

В детстве Шуру Бабакина часто били. Он родился в убогой деревеньке на русском Севере, с первых дней жизни познакомился с голодом и, встав на ноги, начал потихоньку промышлять мелким воровством съестного. Чаще всего крал яйца из-под кур в соседских дворах, за что с малых лет получил прозвище Курей. Попадался, конечно, неопытный еще был. Но порку сильно невзлюбил и стал учиться врать, чтобы избегать заслуженных экзекуций. Дело пошло не сразу, и Курей в первое время получал двойные порции – за воровство и за вранье. Но постепенно все налаживалось, паренек научился ловко выкручиваться из всяких неприятных ситуаций, подставляя вместо себя собственных братьев и сестер, а то и дружков.

Став учеником сельской школы, Шура убедился в правоте своего способа выживания. Вранье и мелкое жульничество помогало найти самый простой и легкий путь для того, чтобы получать побольше, работая поменьше. Это, конечно, не могло укрыться от глаз товарищей, и Шуру не любили. Но что делать? Он рано понял, что за все удовольствия надо платить. Не любят, так не любят. Зато никто не будет приставать с дурацкими полевыми работами и общественными поручениями, которые он обязательно свалил бы на кого-ни-

будь другого, сославшись на боль в мошонке.

Когда семилетка оказалась за спиной и настала пора покидать родной колхоз, Шура, не задумываясь, выбрал Архангельск, где находчивому человеку все карты в руки. Он слегка подчистил свидетельство об окончании семилетки, переправив тройки на пятерки, и поступил в училище, готовившее скороспелых техников водного транспорта. Немного освоившись в училище, Шура понял, что жизнь не обещает ему светлых перспектив. Выпускники растекались по северным портам работать в основном в ремонтных доках или еще хуже – на механизации лесосплава. Жить по архангельской формуле ДТТ (доска, треска, тоска) Шура не хотелось, он стал напрягать мозги в поисках выхода. Выход предложил сам себя. Шел тридцать восьмой год, и быстро редевшим в результате репрессий комсомольским руководящим органам нужны были свежие силы. Видя стремительную текучку комсомольских командиров, Шура для начала вызвался писать статьи в училищной стенгазете. Ума здесь много не требовалось, и вскоре его стали выбирать в президиум на каждом собрании. А уже через полгода Бабакин возглавил комсомольскую организацию училища. Ничего удивительного не было и в том, что еще через полгода его вызвали в горком и предложили перейти на освобожденную должность инструктора городской организации. Дело пошло в гору. Шура начал успешно карабкаться по ступеням комсомольской лестницы. Чтобы не последовать за многими дру-

гими активистами, бесследно исчезавшими сначала в «черных воронках», а затем в лагерях или подвалах НКВД, Шура наладился писать в эту организацию добровольные рапорта о состоянии умонастроений в окружающем его активе. Чекисты были признательны Шуру за инициативу, стали принимать его на конспиративной квартире и просили подписывать свои «работы» псевдонимом. Не долго думая, Шура избрал псевдоним «Труженик», сам того не осознавая, добавив себе отсутствующее качество.

Бабакин, наверное, далеко пошел бы, если бы не Гитлер, который коварно напал на СССР и не менее коварно нарушил Шурины планы. Всеобщая мобилизация застала Бабакина врасплох. Она не выбирала между рядовыми и комсомольским начальством, и перед ним реально замаячили окопы Второй мировой войны. Здесь Шура пережил первый серьезный провал. Его попытка обнаружить у себя паховую грыжу, которая в родной деревне не раз сходила с рук за неимением врача, в военном госпитале натолкнулась на холодное непонимание докторов. Молодая женщина-хирург, перед которой Шура уже щерил свой гниловатый рот и подпускал сладкие слюни, отчеканивая слова, сказала, что на первый раз не будет засчитывать Бабакину склонность к симуляции, но если его приход по данному поводу повторится, то его ждет встреча с представителем НКВД. От такого приема Шура почувствовал слабость в окончании прямой кишки и ветром вылетел из госпиталя. Через две недели

младший лейтенант Бабакин уже грузился в эшелон с пехотой, отправлявшийся на позиции под Ленинградом.

На фронте Шура повезло. На втором году полной позиционных боев голодной и холодной окопной жизни фашистский осколок вырвал у лейтенанта Бабакина кусок мяса вместе с сухожилиями на левой руке, и он был комиссован по инвалидности.

Шура вернулся в родной обком Архангела и стал заочно учиться на историка, понимая, что профессия судоремонтника не имеет политического значения. Рана зажила, ее последствия проявлялись только в не очень заметной ограниченности функции руки. В остальном он выглядел огурцом и мог радоваться судьбе, хотя шел еще сорок третий год, и жизнь была тяжелой.

Осмотревшись в обкоме, Бабакин понял, что жизнь дарит ему еще один шанс. Почти весь актив был призван на фронт, людей осталось мало, все они ценились на вес золота и все были на виду. Вырасти в таких условиях ничего не стоило, и можно было думать уже о более серьезном взлете. Теперь ему, раненому фронтовику, открывалась прямая дорога в партию, чем он и не замедлил воспользоваться. Вскоре свежеепеченный член ВКП (б) и инструктор обкома партии громыхал отточенными фразами на совещаниях, и совсем неудивительно, что перед ним открывались перспективы дальнейшего роста. Пришло время поработать над своим образом. Шура остепенился и приобрел важность движе-

ний. Походка его стала неспешной, взгляд пронизательным и острым. Добрая улыбка несла в себе следы мудрости. Левую руку он носил на перевязи, что придавало ему вид потерпевшего героя. Вообще, Шура с внутренней радостью осознавал, что роль партработника – это то, что ему надо. Он с наслаждением говорил речи, используя при этом изворотливость и изощренность ума, приобретенную еще в детских враках. С особенным удовольствием Шура участвовал в разбирательстве личных дел партийцев, что случалось довольно часто. Разрушенные и разлученные войной семьи трещали по швам, «аморалки» хватало с избытком, и она была самым лакомым шуриным куском. Ощущая собственную мужскую не востребованность, он с тайным удовольствием копался в грязном белье, выпытывая у грешников, где, когда и в какой позе их застукали бдительные сограждане, добивался подробных раскаяний. Проблемы с интимной жизнью у него были, потому что к взрослому своему возрасту Шура так и не обзавелся подругой. Конечно, если бы не партийная работа, он нашел бы себе где-нибудь в общаге девушку без комплексов, и все пошло бы обычным путем. Но Бабакин хорошо знал, как может обернуться ситуация, если такое дело выплывет наружу перед глазами начальства. Слишком дорог был ему избранный путь и слишком высоко решил он взлететь, чтобы пользоваться порочащими его случайными связями.

А серьезных отношений не получалось. Бабы, сволочи,

чувствовали в Шуре что-то такое, что им не нравилось, и не хотели дружить всерьез. Может быть, конечно, им не нравился его слюнявый рот с гниловатыми зубами, так ведь даже за безногих и слепых выходят, а тут какие-то зубы. Нет! Это не просто так. Скорее всего, женщины боялись его ума, в сравнении с которым они чувствовали свою неполноценность. После нескольких неудачных попыток установить отношения с дамами по вкусу, Шура понял, что фокус не получится, и решил поставить дело на договорную основу. К этому времени он уже имел хорошую комнату в доме партработников, богатый набор продуктовых карточек и синий конверт со второй зарплатой. У него было что предложить будущей подруге жизни.

Бабакин присмотрел в обкоме молодую, но несимпатичную секретаршу, вдову бывшего сотрудника областного комитета, и стал наводить мосты. На сей раз Шура не предлагал романтических отношений, море ласки и океан любви. После того, как знакомство укрепилось, Бабакин улучил удобный момент и сделал ей брачное предложение.

– Ты одна – и я один. Тебе непросто, и мне нехорошо. Что поодиночке тосковать, давай сойдемся, все легче будет, – сказал он ей простым и понятным слогом.

Нинель раздумывала недолго. Терять ей было нечего, и она согласилась. Вскоре она переехала к Бабакину, и молодые зажили мирком да ладком.

Брак у Шуры получился неплохой. Нинель была чуть-

чуть туповата, нетребовательна и достаточно похотлива. Наконец-то Шура навел порядок в личной жизни. Правда, он осознавал, что вялые груди жены, ее скрипучий голос и пещерный интеллект не могут составлять все, что ему отвесила судьба. Такого не бывает. В этом возрасте нельзя запирать себя в тоскливую темницу супружеской постели. Что-то еще будет. Главное – жить остороженько, осмотрительно, чтобы не вляпаться.

Между тем Нинель подходила Шуру по другому своему прекрасному качеству. Выросшая в такой же нищете, что и муж, она была ненасытна в приобретательстве, и это стало истинным стержнем их союза. Бабакины стояли в первых рядах покупателей в партийных спецраспределителях. Приобретенный дефицит глубоко радовал обоих супругов и наполнял жизнь ласковым, теплым светом. Это заменяло им походы по музеям и театрам, куда они вообще не ходили бы, если бы только не партийный долг.

Бабакин не забывал и о полезном опыте сотрудничества с «органами». Время стояло беспокойное. Сталин мог начать какую-нибудь кампанию совершенно неожиданно, и тут никакой защиты от такой напасти у молодого партийца не было. Поэтому сочинения за подписью «Труженик» нескончаемым потоком текли в нужное место. На дворе стояло то блаженное время, когда «органы» могли разрабатывать «парт-органы», и Шура добросовестно информировал тех, кого надо, об умонастроениях среди некоторых членов руководства

обкома.

Со временем Бабакин получил диплом историка, который можно было с полным основанием считать фиктивным, так как на самом деле науками он не занимался, не до того было, а всего лишь получал необходимые записи в зачетке, когда наступала пора. На дворе стоял сорок девятый год, партработников с высшим образованием не хватало, и Шура понимал, что диплом может стать его палочкой-выручалочкой. К тому времени уже вовсю полыхала «холодная война». Поразмыслив немного, Шура пришел к заключению, что самое безопасное дело в его положении – это принять участие в идейных боях с американским империализмом, отступив в сторонку от сложных внутренних хитросплетений, где можно ненароком сильно просчитаться.

Упирая на то, что получил образование историка, которое пропадает зря, Бабакин добился своего перевода из орготдела в отдел агитации и пропаганды обкома партии и углубился в изучение агрессивной сущности американского империализма. Вскоре из-под его пера посыпались обличительные статьи против апологетов «холодной войны», и он быстро стал известным в области специалистом по разоблачению политики дяди Сэма. Логическим развитием начатой линии стал перевод на работу в отдел пропаганды ЦК КПСС. Семья Бабакиных переезжала в Москву с триумфом. Шура чувствовал, что крепко сидит в седле и перспективы его роста совершенно очевидны. Дядя Сэм без работы не оставит.

В Москве Бабакин на первых порах вел себя тихо, осматриваясь в своем окружении. Сталин был еще в силе, и обстановка в ЦК заставляла постоянно быть настороже. Война выдвинула в партийное руководство немало новых лиц, пришедших и с фронта, и с тыла, среди них были личности незаурядные, с сильным характером и отвагой. Таким кремлевская кухня давалась нелегко, частенько они по своей воле попадали в конфликтные положения, а бывало, кого-то просто подставляли знатоки партийных интриг. Кое о чем в их поведении докладывали и Самому. Но тот относился к своим выдвигенцам снисходительно и многое им спускал.

Подниматься вверх среди такой публики было страшно-вато. Можно было нечаянно получить крепкого пинка.

В ЦК Бабакину поручили давать отпор противнику на американском направлении, и главными клиентами для воспитательной работы стали НКВД и разведка НКВД. Шура сразу решил с пропагандой к чекистам не лезть, хотя с переездом в Москву сотрудничество с ними продолжил. В глубине души он боялся и ненавидел эту породу сталинских псов и дискутировать с ними не был склонен. Поэтому весь свой классовый запал обратил на дипломатов.

Здесь он с первых дней обнаружил, что всю работу НКВД на американском направлении ведут несколько еврейских кланов. Единственным утесом среди этой братии стоял молодой белорус Громько, сделанный послом в США по личному указанию Сталина – видимо, для того, чтобы евреи

не задумали дурить его в групповую. Бабакин не был анти-семитом, но сама ситуация заставила его задуматься.

Понятно, что евреи прибрали к рукам этот выгодный участок еще на заре советской власти, так как раньше других поняли, что он – курочка, несущая золотые яйца. Но ведь концентрация одной национальности на ответственных участках неизбежно приводит к кумовству, блату, продвижению неумелых и бездарных работников, ухудшению кадровой ситуации, а значит, и к снижению эффективности работы. Придя к такому выводу, Бабакин воспылал незримым патриотическим порывом. Это был шанс показать себя на новом месте. Он стал изучать варианты выявления «узких мест» в работе МИДа на американском участке, и самым лучшим вариантом ему казалось «разоблачение национальной групповщины». Видимо, каким-то неизвестным органом, которым снабжен далеко не каждый человек, Шура уловил в воздухе назревавшую кампанию против «врачей-вредителей», бывших поголовно евреями.

Бабакин намеревался проявить озабоченность в записке руководству ЦК по данному вопросу и начал готовить такой документ. Из-под его руки выползали накатанные фразы о том, что семейственность ослабляет контроль и требовательность, о том, что гаснет бдительность, и коммунист обнажает беспомощную сущность перед врагом. Записка вышла хлесткой, убедительной, с перечислением многих громких фамилий и указаниями на недоработки обладателей этих

фамилий.

Что получилось бы из этого намерения Бабакина, судить трудно, но на свое счастье Шура решил посоветоваться с чекистами, с которыми регулярно встречался на конспиративной квартире у метро «Сокольники».

Капитан Сивов не стал читать его работу, а забрал с собой, обещав посоветоваться с руководством. В следующий раз он ждал Бабакина не один, а с начальником отдела подполковником Коняхиным. Одутловатое лицо подполковника, грузная фигура и грубый сиплый голос выдавали в нем человека пьющего, не склонного к нежностям и, видимо, имеющего сильного покровителя в чекистских эмпиреях. Разговор у них состоялся довольно короткий.

Подполковник бросил Шурин пасквиль на стол, раздавил папиросу в пепельнице и сказал, глядя прямо в глаза Бабакину:

– Понятно, чего Вы хотите, товарищ Бабакин. Вы хотите славы борца и героя. Но мозгов у Вас на это не хватает, не говорю уж о Вашей натуре. Многие из тех, кого Вы поливаете грязью, заняли свои посты либо по прямому указанию Иосифа Виссарионовича, либо с его одобрения. Таким образом, Ваша записка является выражением недоверия к кадровой политике вождя.

От этих слов Шура почувствовал слабость в ногах и схватился за край стола. Голова его пошла кругом.

– Да я верой и правдой... Я как лучше...

– Вы еще не успели основаться в столице, а уже занялись непонятной, даже враждебной деятельностью. Неужели Вы думаете при этом спрятаться за «органами»? Хитер! Но нас не проведешь. Мы не допустим, чтобы в результате этой записки пала тень и на нас, потому что ее писал наш сексот. Может быть, Вы станете утверждать, что писали под нашу диктовку?

Земля предательски уходила из-под ног Шуры, в голове вращалась карусель бессвязных мыслей, и он осознал только одно – пришел его конец. Его мутило от страха.

Однако развязка разговора оказалась довольно неожиданной для Бабакина. Внезапно подобрев, Коняхин сказал более мягким голосом:

– Будем считать, что записку свою Вы написали по идейной незрелости и незнанию кадровой политики партии. Вы молодой работник и можете иногда допускать ошибки. Записку эту уничтожьте и не смейте наперед выступать с подобными инициативами без согласования с нами. Придет время, мы сами скажем, в чей адрес направить критику. Вам понятно?

Шура пискнул что-то нечленораздельное и вдруг ощутил, что нижнее белье его стало совершенно сырым от холодного пота и облепило дрожащее тело.

Бабакин хорошо запомнил преподнесенный ему урок и надолго затаился в недрах аппаратной работы, не порождая никаких громких инициатив и посему приобретае устойчи-

чивый образ исполнительного середнячка. Это помогло ему успешно проводить в прошлое сталинский период, пережить бурные годы хрущевской вакханалии и вступить в относительно стабильную эпоху правления Брежнева, докарабкавшись до руководителя идейного отдела Центрального Комитета. Теперь Шура снова обрел ощущение собственной значимости и стал подумывать о следе Бабакина в истории Отечества. К тому времени он уже основательно нахватался цитат из первоисточников, в целом ряде работ нанес сокрушительное идейное поражение заокеанскому империализму и считался в ЦК крупным знатоком в области идейных баталий.

Снова забытый червь самомнения стал точить Шурину душу, снова он перестал спать ночами. Перспективы роста были закрыты перед ним выдвигенцами клана Брежнева. Они оккупировали Политбюро, и надежд на то, что он когда-нибудь получит возможность стать членом этого синклита, у него не было. Все места были заняты согласно купленным билетам. Бабакин понимал, что тут нужен скандальный прорыв, бой без правил, который вынесет его на самый верх советского Олимпа. Бессонными ночами Шура ломал себе голову над вариантами прорыва, но ничего стоящего не шло в голову. В его положении сложно было придумать что-нибудь, выходящее за рамки собственной компетенции. Да много ли его компетенция значила, когда верховным жрецом идеологии был вовсе не он, а вечнозеленый

Суслов? Только Суслов мог определять, кто идет верной дорогой, а кого заносит в кювет. Шура же, несмотря на высокий пост, был всего лишь лицедеем в кукольном театре этого Карабаса Барабаса.

Решение пришло как всегда неожиданно. Забредя как-то в комнату к своему балбесу сыну, он обнаружил, что тот, уходя, не выключил приемник, работавший на волне «Голоса Америки». Сам Бабакин такими вещами не интересовался, и без того забот хватало. Но тут ухо его зацепило что-то интересное, он не стал выключать радио, а, присев рядом, прислушался. Неизвестный автор весьма убедительно и подробно излагал мысли о том, что в советскую литературу возвращаются шовинизм и русофильство. На гребне военной победы в писательской среде взяли верх авторы, беззастенчиво восхваляющие русский характер, русскую исключительность и внушающие читателю высокомерное отношение не только к побежденным нациям, но и к другим народам Советского Союза. В качестве примера приводилась книга Козлова о партизанском движении в Крыму, где татарское меньшинство якобы сыграло предательскую роль по отношению к русским. Уничижительно описывались румыны, нелестно была обрисована роль украинского населения. Далее подвергались разбору более крупные авторы, и чем больше приводилось фактов, тем больше Шура понимал, что поймал за хвост жар-птицу. Эта тема очень хорошо ложилась на его рабочий стол. Русский национализм против политики интер-

национализма. Здесь можно устроить феноменальное представление.

Бабакин с увлечением взялся за работу, и через месяц в «Литературной газете» появилась его статья «Насилие над историей». В ней Шура безжалостно бичевал ряд известных советских писателей за русофильский уклон и отход от линии партии. Разразился чудовищный скандал, имевший для него совсем не те последствия, о которых он размечтался.

Глава 11. 1973 год.

Хозяева пришли

Осло.

Резиденту (лично)

Секретно

В марте 1973 года новым чрезвычайным и уполномоченным послом СССР в Норвегии назначен Александр Бабакин.

Бабакин известен агентству с 1958 года, когда он в составе группы русских аспирантов стажировался в Колумбийском университете. В тот период нами предпринимались попытки по изучению и вербовке его в качестве агента. В процессе изучения о нем стало известно следующее.

Родился в 1922 году в крестьянской семье. Вырос в условиях крайней бедности и борьбы за существование. Проявил хорошие способности приспособления к советской системе и росту внутри нее. Отличается лживостью, беспринципностью, изворотливостью. С молодости пошел по пути партийного функционера и хорошо преуспел в этом. Будучи в США, был шокирован американским уровнем жизни и проявил стремление нажиться за период стажировки. Был задержан в магазине при попытке кражи женского маникюрного набора. Под оказанным на него психологическим давлением и в состоянии сильного испуга дал подпис-

ку о сотрудничестве. Выходил на несколько встреч в условиях Вашингтона. Вел себя неискренне и трусливо, однако в конце концов выдал ведомственную принадлежность всех сотрудников КГБ, включенных в группу, и дал на них неполные характеристики. Перед отъездом получил условия связи на Москву. Избрал себе агентурный псевдоним «Джек». Однако в Москве от сотрудничества упорно уклонялся, на встречи с сотрудниками резидентуры не выходил. В связи с этим, от планов его использования в тот период пришлось временно отказаться. Тем не менее, московская резидентура отслеживала путь «Джека» и готовилась при удобном случае напомнить ему о себе.

Агент делал довольно успешную карьеру в центральном правлении КПСС, достиг поста заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС, но не был удовлетворен, хотя это весьма высокое положение. По нашим наблюдениям, тайная борьба за служебный рост озлобила его и породила чувство ненасытности. Хотя он и создал себе имидж добропорядочного и принципиального партийного босса, бывшего фронтовика, его коллеги знали, что за этой маской кроется неумная жажда власти. За спиной его звали «кожаная ручка», видимо, имея в виду его неполноценную левую руку. «Джек» искал возможности для дальнейшего роста и даже прорыва в Политбюро. Однако автоматического повышения ждать не приходилось, так как кадровая ситуация в Политбюро была стабильной.

В этой связи агент решил пойти на авантюру и создать в партийных верхах искусственный кризис, который вынес бы его на новую ступень. Зная неосталинистские наклонности Леонида Брежнева и его нелюбовь к любым отклонениям от идейного курса Октября, «Джек» вознамерился открыть кампанию против писателей-русофилов и найти в Политбюро «слабое звено», которое, якобы, им потакает. К условным русофилам в КПСС относят членов Политбюро: Романова, Шелепина и Машерова.

В этих целях источник опубликовал в «Литературной газете» заглавную статью «Насилие над историей», в которой подвергает разгромной критике национально ориентированных советских авторов. Статья вызвала сильный резонанс. В СССР заговорили об очередной идейной чистке. Однако, вопреки его ожиданиям, общественность откликнулась на статью дружным отпором. В ЦК поступила масса критических писем и телеграмм. Возмущенные телеграммы Брежневу прислали несколько боссов советской литературы. Брежнев был выведен из себя публикацией «Джека», снял его с поста заведующего отделом и направил в Осло.

Насколько нам представляется, «Джек» находится сейчас в депрессивном состоянии. Его генеральная атака закончилась провалом. Полагаем, что с учетом его амбициозного характера, стремления играть значительную роль в истории и набора негативных личных качеств, он мучительно думает о вариантах компенсации полученного ущерба. Такими ва-

риантами могут быть либо скрытая месть советскому строю, либо новая попытка прорваться в политическое руководство СССР.

В этой связи считаем целесообразным взять агента в оперативное изучение, установить, в каком состоянии он находится, определить, имеется ли возможность восстановления с ним связи, и выйти с предложением о путях достижения этой цели.

Зам. Директора ЦРУ Ч. Менем.

30.04.73

Ленгли.

Зам. директора ЦРУ Ч. Менему (лично)

Секретно

В соответствии с Вашими указаниями, нами проведено изучение возможностей восстановления связи с «Джеком». По итогам проделанной работы сообщаем следующее.

«Джек» действительно не удовлетворен своим положением и довольно откровенно высказывается по данному поводу в близком окружении. Если иметь в виду, что информация о его настроениях может дойти до руководства страны по каналам КГБ, его высказывания свидетельствуют о крайней степени озлобления. Можно оценить его состояние как состояние человека, потерпевшего личную катастрофу.

Это дало нам основания запланировать установление кон-

такта с «Джеком» под нейтральным предлогом с целью выявления его реакции на появление нашего представителя. Однако на данном пути обнаружилось очевидные трудности. Несмотря на свою бывшую стажировку в США, «Джек» не владеет ни английским, никаким другим иностранным языком и появляется на приемах и в других местах в сопровождении переводчика. Мы же, со своей стороны, не имеем ни одного сотрудника на солидном уровне в резидентуре, который говорил бы по-русски. В связи с этим, все-сторонне проанализировав ситуацию, мы предлагаем ввести в разработку «Джека» резидента израильской разведки Хаима Гольдштюкера, с которым мы плотно сотрудничаем в Осло. Гольдштюкер является выходцем из семьи русских эмигрантов и в совершенстве владеет русским языком. Полагаем, что цена расшифровки нашего интереса к «Джеку» перед израильтянами не настолько высока, чтобы пренебрегать открывающейся возможностью. Предлагаемый вариант имеет еще и те преимущества, что Гольдштюкер имеет солидный опыт вербовки лиц русской национальности, в том числе и из числа партийных работников. Просим рассмотреть.

Резидент в Осло Д. Блексмит.

21.05.73

Осло.

Резиденту

Секретно

С Вашим предложением о взятии «Джека» в разработку через Гольдштюкера согласны. С руководством израильских партнеров согласовано. О ходе работы просим регулярно отчитываться.

Ч. Менем. Ленгли.

15.01.74

* * *

Хаим Гольдштюкер лукаво посмотрел на Бабакина и поднял бокал с вином:

– За знакомство, Александр Михайлович. Очень приятно видеть на этом посту такого обаятельного и мудрого человека. Признаться, с вашим предшественником я так и не сошелся.

Они стояли на приеме в английском посольстве по случаю дня рождения Ее Величества Королевы Елизаветы. Вокруг сновали официанты с подносами, в зале царило веселое оживление. Бабакин не очень любил посещать подобные мероприятия. Шел 1973 год, и вовсю была развернута холодная война. Редко можно было обойтись без острых моментов, напряженных споров. Еще не забылось вторжение в Чехословакию. Большинство высших дипломатов знало, что именно Шура руководил пропагандистским обеспечением операции и написал немало абракадабры на эту тему. Многие дипломаты его статьи читали и с удовольствием проходились

по данному поводу. Уж что-что, а «Пражская весна» стала притчей во языцех во всем мире, и Бабакин ничего не мог против этого предпринять. К тому же он давно отвык от острых вопросов и неллицеприятной критики. На прошлом его посту такое не практиковалось.

Поэтому он сначала внутренне сжался, когда к нему подкатил респектабельный седой джентльмен, который на чистом русском языке представился как советник израильского посольства Гольдштюкер и начал с того, что предложил притвориться спорящими сторонами. Москва и Тель-Авив не имеют дипломатических отношений, и никто не мешает их представителям обменяться парой оскорблений на приеме. На самом же деле, пел Хаим, ему просто чертовски хочется поговорить с советским человеком и узнать, как там, на Родине. Он уже тридцать пять лет не видел русской земли. Ему вместе с родителями пришлось уехать из Риги в тридцать восьмом году, и с тех пор чего он только не испытал. Но и старое забывать не хочется. О тех русских, что когда-то жили рядом с ним, у него остались самые добрые воспоминания. Вообще, он считает, что русские – удивительный народ. Главное, что они совершенно не корыстны. А это так редко. Ведь чаще всего, если ты просишь о помощи, то слышишь в ответ: а что я за это буду иметь? Так вот с русскими это не так. Здесь всегда можно рассчитывать на понимание. За это Хаим так любит эту нацию.

Шура слушал треп Хаима и соображал, что может за всем

этим стоять. Конечно, Гольдштюкер подкатил к нему не просто так. Но и намека никакого не видно на что-то конкретное. Подождав еще пару минут, Бабакин кашлянул и, глядя израильскому советнику прямо в глаза, сказал:

– Господин Гольдштюкер, вы же знаете, что мне нельзя задерживаться надолго с вами. Если наше свидание затянется, то на него обратят внимание. Если вы что-то хотите сказать, то скажите сразу...

Хаим сразу стал серьезным, глаза его напряженно и остро блеснули.

– Прекрасно, Александр Михайлович. Это упрощает дело. Нам надо встретиться наедине и серьезно поговорить. Не думайте ни о чем особенном. Речь будет идти о политике. Точнее, о политических вопросах. Думаю, ситуация в мире назревает такая, что людям нашего уровня надо консультироваться. Вы согласны?

Шура настороженно и пристально взглянул в глаза Гольдштюкера. Неужели американцы хотят через этого типа вытащить древнюю шпионскую историю пятидесятых годов? Но глупо же, ведь он уже не мальчик, и если захочет, заклемит ее как провокацию. Хотя в его положении лучше не ерепениться. Теперь Москве только повод дай, она и провокацию использует с большим аппетитом. Но идти надо. Надо знать, что там припасли американцы. Шура не сомневался, с чьей подачи к нему подошел Хаим.

– Хорошо. Я приеду без переводчика в ресторан «Аспара-

гус» в пятницу, в половине первого. Приходите, поговорим.

– Отлично, – засмеялся Гольдштюкер и откланялся.

Через четыре дня, входя в зал «Аспарагуса», Бабакин увидел Хаима, который ждал его, коротая время за бокалом пива. Тот приветливо помахал Шуре рукой, и вскоре они уже вели оживленную беседу. Разговорчивый и напористый израильтянин полностью взял инициативу в свои руки.

– Конечно, Александр Михайлович, я много о Вас слышал раньше, а с тех пор как Вы появились здесь, просто решил перечитать ваши публикации. Вы знаете, я под впечатлением. Эти работы выдают неординарный ум, – тут Хаим внутренне хихикнул, вспомнив шурино воровство в магазине, – и большую силу логики. Разговоры с такими людьми надо ценить. Ведь в мире назревают большие перемены, правда?

«Чего он хочет? – думал Бабакин. – Вся моя писанина и яйца выеденного не стоит. Один плагиат. Силен-то я был не в ней, а в аппаратной работе. Так чего же он хочет?»

– Чего Вы хотите, Хаим? – неожиданно для себя спросил он.

– Я хочу передать Вам привет от ЦРУ, – с прямотой римлянина ответил Гольдштюкер. – Как видите, они даже не хотят сами светить контакт с вами. Настолько они дорожат таким человеком как вы. Но работать они намерены серьезно. И, думаю, здесь, в Осло, такая работа получится. Ведь мы не будем прятаться по подворотням. У меня есть очень близкий норвежский друг, крупный бизнесмен. Вы «познакоми-

тесь» с ним и будете иногда приезжать к нему в гости на его загородную виллу. А я, грешный, стану иногда появляться там во время ваших приездов, и мы будем обсуждать только политические проблемы, уверяю Вас. Только политика, никакого шпионажа, но политика очень острая, очень интересная, – как, согласны?

– А если нет?

Гольдштюкер глумливо ухмыльнулся:

– Алекс, не валяйте дурака. Я пришел именно тогда, когда Вам стало плохо, и я готов Вам помочь. Думаю, это идеальный случай...

– Хорошо, я догадываюсь, чего вы хотите, и буду с Вами работать. Цековскую кухню я знаю, как свои пять пальцев, и мои консультации будут небезынтересны. И вот еще что – пусть на меня выйдет резидент ЦРУ. Я хочу с ним кое-что обсудить.

Глава 12. 1978 год. Фатальные подозрения

Генерал Голубин шел на большой риск, назначив встречу со связником в Праге. Город был переполнен сотрудниками чехословацкой госбезопасности. Все мосты через Влтаву и основные въезды в город находились под контролем постоянных пунктов наблюдения, центральная часть просматривалась телевизионными камерами и оптикой контрразведки. Силы управления наружного наблюдения составляли девятьсот человек, имевших подвижные средства – от велосипеда до грузовика, что для миллионного города было чрезвычайно много. Чехи сделали выводы из попытки контрреволюционного переворота десять лет назад. Теперь они держали своих диссидентов и связанных с ними эмиссаров иностранных разведок под плотным контролем. Это давало хорошие результаты. Ситуация в стране успокоилась, хозяйство развивалось ритмично, люди достигли очень неплохого жизненного уровня. Голубина радовало то, что они не забыли травму, нанесенную вторжением войск Варшавского договора в 1968 году. В общем и целом отношение к СССР у рядовых чехов было неважное.

Несмотря на сложнейшую оперативную обстановку, Голубин решился выйти на связь с ЦРУ в Праге, куда был направлен на совещание по линии внешней контрразведки. В про-

грамме его пребывания имелся один свободный вечер, и Голубин был уверен в том, что чехи не пустят наружку за руководителем управления ПГУ. А встречаться было необходимо, потому что работа с «Кэпом», оперативное руководство которой он осуществлял, выворачивала на очень нежелательное для его хозяев из Ленгли направление.

Агент «Кэп» являлся бывшим советским офицером ВМФ, бежавшим со своей польской любовницей на Запад. После измены «Кэп» рассказал ЦРУ все военные секреты, которые были известны ему по службе, и получил вид на жительство в США. Однако личная жизнь пошла совсем не так, как ему мечталось. Ожидаемые райские кущи не явились, пришлось начинать биографию с самого начала, испытать психологический срыв и депрессию, трудности адаптации в новом мире, да и другие проблемы, которые выпадают на долю каждого эмигранта. В таком состоянии бывшего советского офицера нашла вашингтонская резидентура ПГУ и завербовала для работы по своему основному противнику – ЦРУ, которое осуществляло надзор над «Кэпом».

Голубин знал, что «Кэп» рассказал о вербовке цэйрушникам и ведет двойную игру под их контролем. Пока шел обмен малозначимой дезинформацией, он был спокоен. Однако резидентура ПГУ почувствовала неладное и, осуществив острую проверку агента, выявила его двурушничество. Она предложила вывезти «Кэпа» в СССР и рассчитаться с ним за все сразу в полном соответствии с советским законом. Под

предлогом того, что в Штатах встречаться опасно, очередная встреча была назначена в Вене. Здесь планировалось подмешать агенту дозу снотворного, в спящем состоянии переправить в багажнике дипломатической машины в Прагу, а оттуда – самолетом в Москву.

Дело находилось на контроле у Крючкова, и Голубин ничего не мог предпринять, когда на шифровке резидентуры появилась резолюция начальника ПГУ «Согласен». Ему оставалось только исполнять.

Когда секретарша принесла от Крючкова этот документ, Голубин пошел в комнату отдыха, включил кран и стал плескать на лицо холодную воду. Потом посмотрел на себя в зеркало, и ему показалось, что оттуда на него уставился безглазый вурдалак, с прилипшей к бесформенным губам безобразной ухмылкой. «А ведь бабы любят, мать их, – подумал он, глядя на свое отражение. – Долго ли еще им меня любить? Петелька-то затягивается».

Если «Кэпа» вывезут в Союз и он начнет давать показания, то следователи неизбежно установят, что контролировавшие его цэйрушники были превосходно информированы о маневрах советской резидентуры, кто-то помогал им из ПГУ. Вычислить «крота» будет совсем нетрудно, потому что полностью в работу с ним, кроме Крючкова, посвящены только три человека: Голубин, резидент в Вашингтоне и оперработник, который ведет агента. Имелось еще несколько сотрудников, в той или иной мере посвященных

в дело «Кэпа», но они не в счет, потому что по наиболее деликатным моментам разработки велась личная переписка шифром только между Голубиным и резидентом.

Надо было что-то предпринимать, и «Лис» решился выйти на встречу с ЦРУ, хотя он делал это исключительно редко.

Голубин любил рисковать, когда риск приносил видимое удовольствие. Сейчас это был как раз такой случай. Им владела уверенность, что наружки не будет. Поэтому в хорошем настроении он принял душ после утомительных переговоров и последовавшего за ними дружеского ужина, надел легкие брюки, расписную рубаху и, посвистывая, покинул отель. Сначала он взял такси и попросил показать ему достопримечательности ночной Праги, хотя знал город довольно хорошо. Несколько раз он останавливал машину, выходил из нее, рассматривая великолепные пражские замки в ночном освещении, а заодно и контролируя ситуацию вокруг себя. Ничего подозрительного он не заметил. Потом, отпустив такси, Голубин углубился в темные переулки Нового Мнеста и долго бродил по ним, делая вид, что блуждает. Это давало возможность грубо проверяться, что всегда ставит наружку в трудное положение. Однако никаких признаков «хвоста» не появлялось, и он решился выйти на встречу.

Когда Голубин увидел за столиком кафе Мэдлен Хьюз, он чуть не потерял дар речи. Американка, казалось, почти не изменилась лицом за прошедшие двадцать лет, хотя неповоротливая ее фигура теперь расплылась бесформенным те-

стом. Она сидела, опершись локтями на столик, и потягивала мартини, хитро прищурив глаз. Мэдлен, судя по всему, уже получила сигнал о приближении Голубина.

– Кажется, в Ленгли умер последний здравомыслящий человек, – не здороваясь, сказал он. – Вы что, с ума сошли? Ведь ты же работала с массой студентов из соцлагеря, тебя же знают как облупленную.

– Не нервничай, Олег, я здесь под чужими данными. С польством вообще не контактирую. Швейки его обложили, как муравьи кучу навоза. Все нормально, внимания ко мне никакого. Это точно. А проблема простая. Нас всего четыре человека из тех, кто знает тебя лично. Из них Чарльз на пенсии, а Здена и Стенли так зажмут, что они и чихнуть не смогут. Оба ведь работали в Москве. Так что, любишь ты меня или нет, кроме меня, душенька, ехать было некому. Ты ведь соскучился по своему цыпленочку? Помнишь наши ночки в моей маленькой квартирке двадцать лет назад?

Голубин, конечно, не забыл молодую тогда еще толстуху, которой Бог не дал выйти замуж, и она за это невезение оттаптывалась на студентах и аспирантах Колумбийского университета. Позже он узнал, что Мэдлен является еще и сотрудницей ЦРУ, однако это совсем не помешало им последние два месяца до его отъезда из США играть в занимательные постельные игры, до которых оба оказались большими охотниками. Олег не строил себе иллюзий в том, что «это любовь». Он понимал, что Хьюз действует с санкции свое-

го начальства, а их игрища снимаются на пленку, но ему было наплевать. Чтобы скомпрометировать его, было бы достаточно и альбома его утех с Гарсией.

– Хорошо, будем кратки. Легенда такая: если кто-то опознает в тебе бывшую тьюторшу иностранных студентов в университете, а во мне – советского гражданина, ничего не надо отрицать. Случайная встреча, воспоминания, приятная беседа о былом, – ясно?

– Так точно, мой генерал, только у меня теперь другая фамилия.

– Мэдлен, старая дрянь, я швырну тебя в воду, если еще раз назовешь меня по званию. А насчет фамилии соврешь, что в твоей жизни побывал идиот, который догадался на тебе жениться.

– Все, все, Олег. Рассказывай, что там у тебя за ерунда.

– Ерунда следующего плана. Пиши на подкорку. Наши друзья из ПГУ расшлепали «Меверика» и собираются вытащить его в Москву. Запомни: дело «Меверик».

– Усекла.

– Операцию собираются обстряпать следующим образом. Ему уже напели, что опасаются встречаться в Штатах, и назначили очередную встречу в нейтральной стране, в Австрии, куда он как бы поедет в отпуск. Там его накачают снотворным и перевезут в Прагу. А из Праги – добро пожаловать в столицу коммунистического рая. Теперь прикинь, что из этого дела получится. Во-первых, они устроят свистопляс-

ку в прессе о происках ЦРУ. Заявят, что бедняжку украли с его консервной банки американские шпионы и потом долго мучили в застенках, пытаясь узнать правду о размерах корабельного якоря. Но это все – семечки. Главное состоит в том, что они вытянут из него всю правду о нашей встречной игре. «Меверик» – трус и слюнтяй, хотя и флотский офицер. Он расколется, как гнилой арбуз, поэтому выпускать его в Союз ни в коем случае нельзя. Я в этом кровно заинтересован, соображаешь?

– Олег, я все поняла. Когда они планируют повернуть это дельце?

– Скоро. Через месяц. Как видишь, времени у нас не много.

– Что ты предлагаешь?

– Предлагаю сыграть следующим образом. В Вену «Меверик» прилетит с ведущим его сотрудником ЦРУ. Если я не ошибаюсь, это Коэн Милевски. Инструктируя агента перед встречей с красными, Коэн угостит его химией, которая действует только в случае, если на нее наложится снотворное. Эта сумма должна привести к его кончине через несколько часов, и для ПГУ безвременный уход «Меверика» должен выглядеть как передозировка снотворным. Ясно?

– Я не помню, чтобы мы решали такую задачку. Хотя наши химики могут укокошить кого угодно.

– Не сомневаюсь в этом. Запомни, они должны подбирать вещество, которое взаимодействует с барбитуратами.

Запомнила?

– Да, Олег.

– Теперь повтори, что я тебе сообщил.

Через месяц агент-двойник, который у американцев проходил под псевдонимом «Меверик», а у русских под псевдонимом «КЭп», закончил свою путаную и недостойную жизнь на борту самолета Ту-154, где-то между Прагой и Москвой.

* * *

Руководитель опергруппы чехословацкой разведки в Москве Иржи Чесны позвонил помощнику начальника ПГУ Крючкова и запросился на экстренную встречу. Случай был явно необычный. У Чесны имелся постоянный контакт на собственном уровне с начальником соответствующего отдела, и Крючков сразу понял, что речь идет о чем-то весьма важном.

Чесны принес с собой небольшую папку с фотографиями и краткое, отпечатанное на русском языке сообщение. Из материалов досье следовало, что в период наблюдения за установленной сотрудницей ЦРУ Мэдлен Хьюз, въехавшей в ЧССР по паспорту Мэдлен Хили, был засечен ее контакт с генералом Голубиным, находившимся в Праге в краткой командировке. Судя по всему, контакт был заранее обусловлен. Продолжался не более десяти минут. Задokumentировать разговор не удалось, хотя агент из числа официантов

поставил на стол розетку с орешками, оборудованную микрофоном. Голубин накрыл розетку ладонью и не убирал руку до конца встречи. Судя по тому, что Хьюз прервала свое пребывание в Праге и на следующий день вылетела в США, встреча имела важное содержание.

Поблагодарив чехословацкого коллегу, Крючков проводил его до лифта, а затем вызвал своего заместителя. Пока генерал Мишин знакомился с досье, Крючков стоял у окна своего кабинета и смотрел на площадь перед центральным подъездом, в середине которой красовался большой искусственный бассейн в облицовке из серого мрамора. В воде бассейна вперемешку с солнечными бликами беспечно качались утки. Здесь же, рядом с водой, стоял могучий монумент, изображавший голову Ленина. Полная мятежной экспрессии скульптура хорошо оживляла пейзаж. Была ли она правдивой, начальник ПГУ не знал, да и знать не хотел. Он давно понял, что надо жить и думать по установленным правилам. Любой отход в свободное интеллектуальное плавание может завести в такие дебри, из каких по меньшей мере без партийного выговора не выбраться.

Владимир Крючков был, безусловно, умным и хорошо организованным человеком. Совсем не случайно его заметил Андропов еще в молодые годы и повел по жизни, постепенно воспитывая преданного и высокоразвитого партийца. Он сделал удачный выбор, когда продвинул Крючкова на пост начальника ПГУ. Этот офицер отвечал всем требо-

ваниям номенклатуры того периода. Этот отрезок времени уже проявился как застой в мыслях и душах высшего руководства страны. Этому руководству были не нужны инициативные, рискованные и ответственные кадры. Ему нужны были послушные исполнители политической воли. Именно такого исполнителя Андропов воспитал из Крючкова, именно в этом качестве генерал Крючков начал превращать живой, творческий и свободомыслящий организм ПГУ в бюрократическую контору, потому что он просто не знал другого стиля руководства.

Теперь начальник разведки стоял перед проблемой, которая давно доставляла ему головную боль. Чем больше он общался с Голубиным по работе, тем сильнее подозревал, что тот ведет двойную игру. Своей интуицией прожившего большую и сложную жизнь человека, развитостью оперативного мышления, которое постоянно тренировалось в анализе и обобщении сложного разведывательного материала, он склонялся к выводу, что Голубин работает на ЦРУ. Об этом же говорил ему и его старинный приятель, начальник нелегального управления Корсаченко. И хотя прямых доказательств тому не было, интуиция, чем дальше, тем больше утверждала его в этом мнении. Конечно, были и косвенные признаки. Крючков видел, что с приходом Голубина на пост начальника управления, оно потеряло наступательный настрой. Прекратились вербовки агентуры в спецслужбах противника. Под предлогом осмотрительности и осто-

рожности новый начальник бил по рукам наиболее способных и смелых работников. В то же время, Крючков заметил, что резидентуры ЦРУ заметно снизили количество прямых вербовочных подходов к советским разведчикам. Такие подходы, как правило, не основываются на серьезном материале и делаются наобум, в надежде на то, что на сто случаев отказа можно получить один случай согласия. Теперь же со всей очевидностью американцы стали работать более прицельно. Это могло произойти только в одном случае – если они решили задачу проникновения в ПГУ и могут позволить себе не суетиться. В вербовку десятков своих офицеров Крючков не верил, значит, оставалось предполагать, что в Первом главке завелись один-два крупных крота. И здесь мысли Владимира Александровича снова возвращались к Голубину.

Надо сказать, что помимо косвенных оперативных признаков, в поведении этого генерала было достаточно много моментов, хорошо дополнявших картину. Было странно видеть, как после получения высокого звания изменились его повадки. Из угодливого служаки он превратился в некое подобие бунтаря, проявлявшего признаки нелояльности к советской власти, а порой открытого презрения к ней. Понимая, однако, что это может плохо кончиться для него, Голубин избрал модную диссидентскую маску, которая помогала ему прослыть молодым, протестующим против рутины руководителем, и достаточно успешно скрывать истинные мотивы своей ненависти. Но Крючкова это не могло обмануть.

Чем дальше, тем больше он убеждался в том, что Голубин – враг. Казалось бы, одно это убеждение должно было мобилизовать начальника ПГУ на организацию всего комплекса оперативных мероприятий вокруг Голубина для того, чтобы выявить его связь с Ленгли. Но как раз здесь и начинались проблемы. Даже начальник ПГУ не имеет права запускать комплекс оперативных мероприятий только на основе интуиции. Нужен был конкретный повод. Кроме того, ПГУ не располагает собственным контрразведывательным аппаратом. Значит, надо обращаться за помощью во Второй главк и Московское Управление, во главе которых стоят конфиденты Леонида Ильича. Соответственно, информация о том, что Крючков расплодил в своем ближайшем окружении американскую агентуру, дойдет до Самого. Здесь не поможет и Андропов. Слетит Владимир Александрович со своего поста в считанные дни. Да и позор для управления будет колоссальный. Однако продолжать эту затянувшуюся неопределенность было уже нельзя. Полученная от чехов информация ставила на промедлении точку.

– Ну что скажешь, Константин Иванович? – спросил начальник ПГУ, увидев, что Мишин закончил ознакомление с досье.

– Что тут сказать, Владимир Александрович. Картина ясная. Как веревочке ни виться, она довяется до конца. Надо докладывать наверх и начинать разработку, пока он не сдал нас с потрохами.

– Думаешь, еще не сдал? Сдал уже, мерзавец, не изволь сомневаться. А как только мы доложим о нем наверх, то уйдем на заслуженную пенсию.

– А как же Юрий Владимирович? Неужели не прикроет?

– Есть вещи, в которых Андропов бессилён. Да и если уж честно посудить, разве мы действительно не виноваты в том, что Голубин дорос до такого чина? Сколько раз ракетчики присылали недоуменные оценки данных его знаменитого «Шейлока»? В бумагах этого агента больше загадок, чем разгадок. А мы с тобой что делали? Убеждали их, что все идет наилучшим образом. Что источник надежный, работник героический, информация чистейшей воды. Чистейшей воды туфта! А все потому, что показать товар лицом хотели. Вот, показали! Пора и по заслугам получить. Последнюю партию-то вообще оборонке не отправляли! А если бы отправили, то обгадились бы с головы до ног. Кстати, Голубина надо в книгу Гиннеса занести. У него ведь, кажется, за всю оперативную биографию ни одной вербовки, кроме «Шейлока», не было. Зато до генерала дорос благодаря нам с тобой.

– Ну, может, и не благодаря нам, но руку мы тоже приложили, это правда.

– Правда, да еще какая. Я ведь твоих ходатайств о нем не забыл. Может, еще и объяснений спрошу. Но об этом позже. Ты лучше скажи, что делать будем.

– А что сделало бы ЦРУ?

– Нет, это исключено. Арестовывать без улик и шантажировать его расстрелом не будем. Нужна хоть какая-то доказательная база.

– Тогда что?

– Тогда вот что. Попробую с Юрием Владимировичем договориться, чтобы взять его в разработку без оповещения инстанции. В конце концов, это наша внутренняя проблема, и будем ее решать своими силами. А время придет – кому нужно доложим...

* * *

Голубин не мог и помыслить, что прогорит так глупо. Но прогорел все-таки, дурачок, со своим неумным блудом. Мало ему было жены и двух любовниц, полез еще и к шлюхам. Вот и влетел, как последний лопух. Ему, видите ли, захотелось девственницу! Надо же такому взбрендиться!

Вообще-то все началось как обычно. В понедельник позвонил Сергунька Лунц, с которым Олег водил знакомство еще со времен совместного пребывания в Вашингтоне, где тот подвизался сотрудником бюро «Интуриста». Олег слегка использовал его в работе по совгражданам, которые якшались с американцами, но агент из Сергуньки был никудышный, и они больше играли в теннис и пили виски, чем занимались делом.

В Москве знакомство продолжилось. Олег изредка наве-

дывался в сауну «Интуриста», где они по-мужски проводили время. Мало-помалу доверительность углублялась, и однажды Сергунька предложил пригласить в сауну девушек из числа «ночной obsługi» интуристов. Здесь Голубин впервые познал группенсекс и понял, что в этом есть своя прелесть. А чтобы его друг не заскучал, Лунц регулярно приводил в сауну новых девиц, среди которых встречались настоящие красавицы. Олег знал, что многие из них находятся на связи у Второго Главка, но уповал на то, что фамилия его в сауне не звучит и никаких дел, которые были бы девицам чужды, он не делает.

На этот раз Сергунька шепнул по телефону, что приведет школьницу, которая только что устроилась на работу и, по всей вероятности, еще «не распечатана». Слушая его шепелявый голос, Голубин наливался желанием, потому что уже давно забыл, когда в его жизни были девственницы. До субботы он жил предвкушением этого удовольствия и с напряжением ждал появления новой девочки.

Наконец вождеденный день настал. Голубин с Сергунькой, обернувшись полотенцами, потягивали виски за накрытым столом в комнате отдыха и ждали гостей. При виде входящих в сауну трех девиц, одна из которых была еще совсем молоденьким олененком, душа Олега издала рык неукротимого животного. Надя стояла, нерешительно глядя на своих подруг, которые деловито разоблачались, без стеснения обнажая свои разработанные прелести. Сергунька, женовед,

подъехал к новенькой бочком и ласково зашепелявил своим вкрадчивым голосом:

– Надеждочка, солнышко, ты сама все делай, как тебе лучше. Не желаешь обнажаться – и не надо. Закройся полотенчиком и иди в баню, погрейся, потом купаться пойдем, потом чего-нибудь клюнем, все как ты хочешь...

Надины сотрудницы со смехом и писком проследовали в сауну, Лунц присоединился к ним, а Олег остался наедине с девушкой. Та почувствовала исходящую от него силу, сжалась в комок и не двигалась. Голубин подошел к ней и, навалившись все телом,дохнул в лицо перегаром:

– Не бойся, воробушек. Начинать-то надо когда-нибудь. Вот, со мной и начнешь.

Все в нем напряглось от дикого желания, и, едва владея собой, он начал целовать ее в шею и лицо. Надя слабо сопротивлялась, но Голубин сжал в кулак тоненькую материю на ее плече и с силой рванул на себя. Кофточка разъехалась на куски, бретелька лифчика лопнула, обнажив крохотную, едва наметившуюся грудь. В голове Олега что-то перевернулось, не помня себя, он схватил Надежду в охапку, бросил на скамью и стал срывать с нее остатки одежды. Девушка отталкивала его слабыми ручонками и выла тоненьким голосом. Краска на ее веках размазалась, она пыталась укусить Голубина за руки. Но напор его был настолько мощным, что вскоре она откинулась на спину и приняла его, кусая себе губы. А он, словно обезумев, раздирал своим «дышлом» ее

нежную плоть, упершись остекленевшим взглядом в девичье лицо. Ему чудилось, что это тот самый воробушек, раскрывший клюв в предсмертной агонии, и радость убиения этой пичуги смешалась в нем с радостью убиения девичьей чистоты. Потом, когда Олег поднялся, он пытался обнимать Надю и говорить ей какие-то успокаивающие слова. Однако она ни на что не реагировала и, словно во сне, собирала свои вещи. Девушка медленно оделась, на ослабевших ногах подошла к двери и открыла ее. Только здесь она обернулась и взглянула на Голубина. Ее большие, теперь уже не детские глаза выражали такую боль и такую ненависть, что у него екнуло в животе. «Что-то будет», – подумал он.

Голубин подумал правильно, потому что через три дня из Второго Главка Крючкову поступила служебная записка с полным изложением случившегося. Самое интересное было в том, что Сергунька, скотина, подглядывал за ним из парилки и в деталях дополнил изложенное Надеждой, а также, ни минуты не колеблясь, выдал его фамилию следствию. Впрочем, Второй Главк не квалифицировал данный случай как прямое изнасилование, потому как девушки, посещающие мужскую сауну, едва ли могут выдвигать такие претензии. Но участие генерала разведки в подобных оргиях было делом не только позорным, а и требующим обязательного разбирательства. Получив записку с Лубянки, Владимир Крючков подумал, что Бог все видит. Столь необходимый для устранения мерзавца из ПГУ приплыл на блю-

дечке с голубой каемочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.